

не согрѣвать мое озябшее тѣло. Огонь отца, матери, братьевъ, сестеръ моихъ... свѣти имъ свѣтло, согрѣвай ихъ... Прощай...

Затѣмъ, она подошла къ большому чану, въ которомъ приготавлился хлѣбъ.

— Здравствуй ты, съ дѣтства меня питавшій хлѣбомъ.. Будь всегда полонъ, пусть люди тебя уважаютъ... Хлѣбъ твой не будетъ ужъ болѣе моей пищею...

Точно также Дива простилась съ порогомъ отцовскаго дома, съ избами, сараями, съ любимой буренушкой, съ овцами, лошадьми, даже съ собаками и колодцемъ изъ котораго она брала воду. Подойдя къ колодцу, Дива взяла въ руки ведро, почерпнула воды и въ послѣдній разъ напилась... Обнявъ сестру, братьевъ, всѣхъ женщинъ по очереди, Дива простилась со всѣми, кланяясь въ ноги... Въ послѣдній разъ передъ нею открыли ворота и сейчасъ же закрыли, лишь только она очутилась за ними. Дива подошла къ рѣкѣ, къ большимъ камнямъ, на которыхъ любилъ сиживать ея отецъ.

Никто не смѣлъ спорить съ нею или отговаривать отъ этого путешествія. У забора стоялъ конь Домана, она велѣла пустить его на свободу.

Старая Вѣлиха и два парня должны были провести ее къ озеру. Самборъ вызвался быть четвертымъ.

Когда Дива въ послѣдній разъ обернулась въ сторону отцовскаго дома и замахала платкомъ—до нея донеслись душу раздирающіе крики и вопли женщинъ, которыя, сидя на землѣ, голосили по Дивѣ, словно по умершей.

А вдали слышенъ былъ лошадиный топотъ: конь Домана, выпущенный на волю, скакалъ къ своимъ.

XIII.

Утромъ, на слѣдующій день, около Домаховой хаты какъ-то пусто и тихо было. Къ воротамъ подъѣхалъ всадникъ и остановился у нихъ. Это былъ Мышко.

— Доманъ дома?—спросилъ онъ у слуги, стоявшаго у воротъ. Парень молчалъ.

— Господинъ твой дома?—повторилъ Мышко.

Отвѣта опять не послѣдовало.

— Что-жь, онѣмѣлъ ты, что-ли?—крикнулъ Мышко, выведенный изъ терпѣнія упорнымъ молчаніемъ парня.

— А что-же мнѣ говорить?—началъ тотъ,—Доманъ лежитъ въ постели, онъ раненъ, старуха ходитъ за нимъ... Живъ еще, да жизни-то въ немъ не много...

Мышко соскочилъ съ лошади.

— Кто ранилъ Домана?

Снова слуга не нашелъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ: ему совѣстно стало за своего господина. Ему казалось не ловкимъ сказать гостю всю правду, потому-что рана, нанесенная рукою женщины, позорила, безчестила мужчину.

— Не знаю,—уклончиво отвѣчалъ слуга,—хотя... Доманъ на его глазахъ упалъ съ лошади.

Мышко посмотрѣлъ на парня съ недовѣріемъ, но, не разспрашивая болѣе, вошелъ во дворъ,—оттуда въ свѣтлицу.

Въ свѣтлицѣ царствовалъ полумракъ. У печки на корточкахъ сидѣла Яруха: шепча про себя, она что-то варила въ небольшихъ горшечкахъ.

Въ глубинѣ, на постели покрытой мѣхомъ, лежалъ Доманъ; съ полузакрытыми, обращенными къ потолку глазами, онъ, казалось, мало что видѣлъ изъ происходившаго вокругъ него; блѣдныя губы дрожали, грудь была облѣплена мокрыми тряпками.

Яруха обернулась къ вошедшему и указывая чернымъ, морщинистымъ пальцемъ себѣ на губы, безмолвно требовала соблюденія полнѣйшей тишины. Доманъ, однако, уже успѣлъ замѣтить присутствіе гостя: онъ вздрогнулъ, невнятно пробормоталъ нѣсколько словъ и слабымъ движеніемъ руки пригласилъ его приблизиться къ постели. Мышко подошелъ къ больному. Оба молчали: гость присѣлъ на постели въ ногахъ Домана.

Старуха, между тѣмъ, напилась воды и, захвативъ въ руку какой-то травы, направилась съ нею къ раненому; траву она положила ему на грудь, затѣмъ начала что-то нашептывать; въ заключеніе, поднявъ обѣ руки кверху, она плюнула сперва по одну, потомъ по другую сторону постели. Доманъ глубоко вздохнулъ.

Лежавшая на землѣ собака, услышавъ вздохъ своего господина, приподняла голову и вопросительно на него поглядѣла.

Мышко не раскрывалъ рта: онъ точно боялся заговорить съ больнымъ. Спустя нѣсколько времени, онъ подозвалъ Яруху.

— Кто его ранилъ?—спросилъ онъ.

Яруха долго не отвѣчала, въ нерѣшимости тряся головою.

— Э!.. Кабанъ! — сказала она, наконецъ. — Да! Дикій звѣрь... клыкомъ угодилъ ему въ грудь...

Мышко взглянулъ на старуху и только повелъ плечами.

— Можетъ быть, и олень, — поправилась Яруха, — али другой какой ни на есть лютый звѣрь, мнѣ почему знать?.. На охоту поѣхалъ, съ охоты и принесли его... Ой, охота, охота! Хуже войны такая охота...

По лицу гостя видно было, что онъ не вѣрилъ ея словамъ. Вдругъ въ свѣтлицу вошелъ братъ Домана—Дюжій. Мышко всталъ и поздоровался съ нимъ. Яруха, оставаясь у постели больного, зорко слѣдила за ними. Мышко и Дюжій вышли на дворъ.

— Скажи мнѣ хоть ты правду, — обратился Мышко къ Дюжему, — что съ нимъ случилось такое, кто его ранилъ и гдѣ?

— Стыдно признаться, — проговорилъ Домановъ братъ, — ради дѣвки, Вишевой дочери, отправился онъ на Купалу... овладѣлъ ею и на лошади мчалъ домой... Она-то и вонзила ему въ грудь его-же собственное оружіе — охотничій ножъ...

Дюжій поникъ головою: не мало стыда стоило ему это признаніе... Мышко сосредоточенно сдвинулъ брови.

— И убѣжала?—спросилъ онъ, нахмурясь.

— Доманъ упалъ съ лошади... рана оказалась жестокою... Можетъ и жить-то не будетъ... Старуха, впрочемъ, заговорила кровь, зелье прикладываетъ, — продолжалъ Дюжій, — ну, а дѣвка съ лошадыю улизнула домой...

Мышко не вѣрилъ ушамъ своимъ, слушая этотъ рассказъ. Дерзость Дивы, безпечность ея похитителя, казались ему неправдоподобными. Онъ молчалъ...

— Кликни старуху—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья, — спросимъ ее: жить-ли Доману, или ужъ суждено ему погибнуть... Мнѣ, да и всѣмъ намъ, онъ крайне нуженъ...

Дюжій сейчасъ-же сдѣлалъ рукой знакъ появившейся у порога

Ярухѣ, которая съ разсчитанною важностью, хотя, видимо, подѣ хмѣлькомъ—подошла къ нимъ.

— Слушай ты, старая вѣдьма,—обратился къ ней Мышко—будетъ онъ жить?...

Яруха подняла голову, неопредѣленно покачала ею въ разные стороны, затѣмъ, опустивъ на грудь, подперла ее ладонью и глубоко задумалась.

— Кто-жъ его знаетъ,—промолвила она наконецъ, — развѣ я видѣла, какъ изъ него кровь вытекала?... видѣла какъ его убить собирались?... Дѣло свое я дѣлаю... Кровь заговорила, наготовила разнаго зелья, перевязала рану... А что если кто-нибудь эту самую рану да прокликает?... А то и глазу напустить собирается?..

Ничего больше не могъ отъ нея Мышко добиться; въ нерѣшимости, что предпринять, онъ стоялъ и молчалъ. Между тѣмъ, изъ свѣтлицы послышался зовъ:

— Эй, сюда!.. Кто-нибудь!..

Всѣ такъ и кинулись сразу. Доманъ, блѣдный, какъ полотно, приподнявшись на локтѣ, попросилъ пить. Яруха поднесла ему заранѣе приготовленный напитокъ, онъ припалъ къ нему съ жадностью, затѣмъ, напившись, обвелъ свѣтлицу глазами; брата онъ узналъ, но, замѣтивъ чужого человѣка, опустил глаза. Раненый все хватался за грудь, какъ будто-бы его тамъ что-то давило Мышко подошелъ къ нему.

— Вотъ видишь—проговорилъ Доманъ—я упалъ съ лошади... ну, и... натекнулъ на ножъ...

Ему стыдно было поднять глаза.

— Я было думалъ, что конецъ наступилъ... а, какъ видишь, живу еще...

— Это я вѣдь тебѣ, ваша милость, кровь-то заговорила — отозвалась Яруха,—еслибъ не я! Э-ге, ге!..

— Чѣмъ-же совѣтъ вашъ кончился, Мышко?—вопросительно обратился Доманъ, желая переменить разговоръ.

— Не теперь толковать съ тобою объ этомъ, коли нужно тебѣ лежать да залѣчивать рану...

— Поправлюсь,—отвѣтилъ Доманъ,—а не хочется, чтобы вы обо мнѣ позабыли... если есть у васъ только дѣло... Я не смогу—

братья пойдутъ... мои люди... Скорѣе-бы на ноги встать — дома не засижусь... Да на лошади и болѣзнь какъ рукою снимаетъ.

— Не скоро, не скоро еще можно будетъ подумать о лошади,— сказала Яруха,—рана откроется... кровь побѣжить... не было-бъ тамъ меня, чтобъ помочь...

Никто не обратилъ вниманія на эти слова,—старуха умолкла. Дюжій указалъ ей на дверь. Она, ворча, поплелась изъ свѣтлицы.

— Плохо дѣло, — началъ Мышко: — быть бѣдѣ, Доманъ. На вѣчѣ-то ни до чего не доболтались, а теперь, кажись, что и худшимъ запахло въ воздухъ! Хвостекъ собираетъ большую дружину, найдется кое-кто у него... и изъ нашихъ... Говорятъ, послалъ даже за нѣмцами, да поморцами, чтобы къ нему съ помощью поспѣшили... Видно, хочется ему всѣхъ насъ рабами сдѣлать...

— Намъ совѣтъ нуженъ...

— Первымъ дѣломъ, — отвѣтилъ Доманъ: — необходимо избавиться намъ отъ тѣхъ, которые готовы стоять за него... безъ это ничего не выйдетъ.

— Это-то вѣрно, — замѣтилъ Мышко, — кромѣ того, съ тѣми, что объявились открыто на его сторонѣ, справиться будетъ не трудно... Но вотъ, кто знаетъ, сколько ихъ втайнѣ-то съ нимъ подружилось? Старого Виша не стало...

Услышавъ имя стараго Виша, Доманъ опустилъ голову и молчалъ.

— Какъ-бы тамъ ни было, а дѣло мірское нѣ приходится оставлять... Всѣ отказываются стать во главѣ, опасаясь, что съ каждымъ можетъ случиться то, что случилось со старикомъ Вишемъ... Я ѣхалъ къ тебѣ посоветоваться, а ты...

— Э!.. Что мнѣ врать воскликнулъ Доманъ, какъ-бы внезапно разсерженный чѣмъ-то. Онъ обнажилъ грудь, снялъ повязку и, съ загадочною улыбкою, указалъ пальцемъ на едва засохшую рану, формой своею напоминавшую оружіе, которымъ была нанесена.

— Смотри, Мышко, — говорилъ Доманъ, — дѣвка, женщина, да, женщина сдѣлала это!.. Вишева дочь! Она вырвалась у меня изъ рукъ, ускользнула словно змѣя... Срамъ и стыдъ!... Людямъ на глаза нельзя будетъ показаться, пока я ея снова не завладѣю...

Да и какъ сохранишь тайну?.. Своя-же челядь проболтается... Бабы еще на-смѣхъ поднимуть!.. Правда, отбивая ее у брата, я его ранилъ... Но все-же быть сраженнымъ рукою женщины!..

Онъ упалъ на постель.

— Она будетъ твоею и тогда ты ей отомстишь,—сказалъ Мышко.—Ты хотѣлъ ее въ жены... теперь обратишь въ рабыню, или—убьешь... Что объ этомъ заботиться, успокойся...

— Будь у меня хоть немного силъ... дома не сталь-бы сидѣть... Стыдъ и эта постель жгутъ меня!

— Слушай-ка, Доманъ,—ты съ кѣмъ?—спросилъ Мышко.

— Съ вами,—отвѣтилъ Доманъ, затѣмъ, указавъ на брата, прибавилъ,—онъ, я, всѣ мои люди!.. Мы, старые кметы, мы привыкли къ свободѣ, всю нашу кровь за нее готовы отдать... Князь первый нарушилъ миръ—ну, и пусть платится головою за это!..

— Пусть платится головою!—повторилъ Мышко и всталъ. Больше нечего, да и не къ чему слушать... Я удовлетворенъ!

Дюжій поднесъ ему кубокъ, наполненный медомъ. Гость, коснувшись его губами, взялъ Домана за руку.

— Пью за твое скорое выздоровленіе... Слово?

— Слово кмета... и клятва... Съ вами, братья, я готовъ умереть... драться до послѣдняго...

Доманъ въ изнеможеніи опустился на изголовье. Мышко вышелъ на дворъ и вскочилъ на коня.

Яруха, вернувшись въ свѣтлицу, сейчасъ-же подошла къ постели больного. Замѣтивъ обнаженную грудь и лежавшія на полу тряпки, она всплеснула руками.

— А еще говоришь, что выздоровѣть хочется твоей милости,—начала старуха:—баба пользуется, ея и слушаться надо...

Раненый не выразилъ никакого сопротивленія, когда знахарка по-прежнему приложила ему къ груди мокрыя тряпки и зелья. Разговоръ съ Мышкою обезсилилъ его—онъ сейчасъ-же заснулъ. Въ избѣ водворилась глубокая тишина.

Уже вечерѣло, когда Дюжій, стоя у воротъ, примѣтилъ какихъ-то всадниковъ, выѣзжавшихъ изъ лѣса: ихъ было четверо. Одинъ, повидимому, начальникъ, прямо направился къ жилищу Домана. Издали Дюжій узналъ его: то былъ Бумиръ, кметъ, живущій почти у самаго Гопла. Бумиръ, хотя и преклонныхъ лѣтъ, но еще, ви-

димо, сильный, широкоплечій, обросшій жиромъ, съ руками и ногами громадной величины—своею наружностью напоминалъ свирѣпаго зубра. Темные, съ легкою просѣдью, волосы его окаймляли лицо совершенно круглое, отличительною чертою котораго были: лягушечьи ротъ и глаза. Доманъ, не долюбливавшій Бумира, вообще зналъ его очень мало; зачѣмъ онъ теперь пожаловалъ—угадать было трудно. Бумиръ, между тѣмъ, со всеѣми людьми оставился у воротъ.

Издrevле существовавшій обычай гостепріимства требовалъ: всеѣхъ—милаго и не милаго—принимать подъ кровлю хозяйскаго дома. Бумиръ и Дюжій поздоровались.

— Сбился я съ пути,—началъ Бумиръ,—дозвольте у васъ отдохнуть. Намедни, подняли парни мои оленя... послали въ-догонку стрѣлу... ранили... а онъ, возьми да и умчись съ нею въ лѣсъ... Нечистъ, что-ли, какая сидѣла въ звѣрѣ, только... обошелъ онъ насъ... Вторыя вотъ сутки не можемъ выбраться: ходимъ да бродимъ по дебрямъ...

— Братъ мой раненъ—сказалъ Дюжій,—онъ лежитъ въ постели; но домъ его радуется вашему пріѣзду.

— Я умѣю лѣчить раны,—отвѣчалъ Бумиръ,—пойду, посмотрю...

— За нимъ тамъ старуха ухаживаетъ...

Сопя, слѣзъ Бумиръ съ лошади и, не спрашивая никого болѣе, пошелъ къ избѣ.

— Сало, чѣмъ заливаютъ раны—у моей челяди—на-ходу говорилъ Бумиръ—саломъ этимъ мы и помажемъ царапину, а дня черезъ три ея, такъ и слѣдъ простылъ...

Они входили въ избу. Доманъ, словно почувявъ чужого, спокойно пошевелился. Яруха, дремавшая у огня—проснулась и плюнула; ее сердило, что больному не дадутъ успокоиться. Бумиръ, ни на что не обращая вниманія, прямо подошелъ къ Доману.

По одному взгляду, которымъ послѣдній окинулъ своего гостя, легко можно было заключить, что этотъ не слишкомъ пришелся по сердцу хозяину.

— Я заблудился въ лѣсу!.. Позволишь-ли отдохнуть мнѣ, съ людьми, подъ твоимъ кровомъ?—спросилъ Бумиръ и, не дожидаясь отвѣта, тяжело опустился на скамью.

Доманъ, движеніемъ руки, выразилъ своему брату желаніе;

чтобы позаботились угостить вновь прибывшихъ. Бумирь, безцеремонно разсѣвшись, положилъ свои громадныя локти на столъ.

— У моихъ людей есть сало; оно залѣчиваетъ самыя жестокия раны,—проговорилъ онъ...—Помнится, какъ-то, проклятый медвѣдь чуть-было всей кожи мнѣ съ головы не содралъ, такъ саломъ этимъ я живо вылѣчился...

— Ваша милость,—обратилась къ нему старуха,—здѣсь болѣе ничего не надо... Кровь я заговорила, да и травы цѣлебныя есть у меня... Ничего больше не надо.

Больной оказался одного съ нею мнѣнія. Бумирь умолкъ.

Дюжій вошелъ въ избу, держа въ рукахъ чашу съ медомъ и калачи на закуску; слуги несли за нимъ кубки. Гость съ жадностью принялся утолять мучившіе его голодъ и жажду: нѣкоторое время только и слышно было, какъ онъ сопѣлъ, чавкая да прихлебывая. Яруха вышла на дворъ и отъ нечего дѣлать зубоскалила съ челядью. Дюжій осматривалъ лошадей; въ избѣ остались одни—хозяинъ и гость. Какъ видно, этого-то и ждалъ Бумирь: онъ тотъ часъ-же подошелъ къ Доману.

— Эй, хозяинъ любезный,—началъ онъ, наклонившись надъ постелью больного,—вотъ ужъ не кстаети и рана твоя и болѣзнь... Неладное дѣло у насъ творится... Намъ и людей и рукъ надо... Кметы, братья наши, вздумали бушевать; до сквернаго, поди, добушуются.

Больной поморщился.

— Что тамъ такое дѣлается?—спросилъ онъ.

— Да, что? На князя-то нашего всѣ нападать начинаютъ съ дуру должно полагать...

Доманъ не отвѣтилъ ни слова—онъ слушалъ.

— Погибнемъ всѣ,—говорилъ Бумирь,—князя взбѣсили, вызовутъ месть его, призоветъ нѣмцевъ...

Замѣтивъ, что хозяинъ ему не противорѣчить, Бумирь продолжалъ:

— Кметы составили заговоръ противъ князя... совѣщаются, собираютъ вѣче... и все это только изъ-за того, чтобы, смѣстивъ настоящаго князя, усадить на княжескій столъ одного изъ своихъ. О свободѣ они и не помышляютъ, тутъ дѣло исключительно въ овладѣніи княжескимъ скарбомъ... Мы это знаемъ. Но ошибаются...

насъ довольно, мы постоимъ за князя и грабежа не допустимъ... Нѣтъ, не бывать тому,—воскликнулъ Бумирь, ударяя кубкомъ о столъ.

Глаза его загорѣлись.

— Мышки княжить хотятъ, а намъ лучше съ этимъ, что теперь во градѣ сидить... По крайности знаемъ его... Новые-то, пока еще тамъ насытятся, на первыхъ порахъ, смотри, что и голоднѣе будутъ... Нѣтъ, не допустимъ!..

— Сосчитали-ли вы своихъ?—спросилъ Доманъ.

— Что намъ считать?.. Лешки — всѣ наши, это ихъ дѣло, лишь-бы между собою не ссорились... Кметовъ тоже довольно, тѣхъ, что хотятъ мирно жить... а шалить начнутъ — княжескіе люди унять съумѣютъ!

Бумирь, самъ того не замѣчая, сказалъ слишкомъ много. Медъ оказалъ свое дѣйствіе. Доманъ, гораздо хитрѣе своего гостя, давно ужъ предвидѣлъ къ чему клонится Бумирова рѣчь; онъ зналъ, что въ концѣ-концовъ Бумиръ спроситъ—за кого онъ стоитъ? Совратъ не хотѣлось Доману, а правду сказать казалось ему слишкомъ опаснымъ. У полудикихъ народовъ инстинктивное чувство самосохраненія очень часто принимаетъ странныя формы. Доману пришло въ голову, для того чтобы избѣжать отвѣта, воспользо-ваться своею болѣзнью: въ ту минуту, когда Бумиръ окончилъ свою рѣчь, Доманъ схватился за грудь и началъ стонать...

Яруха прибѣжала на его голосъ.

Бумиръ молчалъ. Смѣнили повязки—больной жаловался на боль въ груди. Знахарка объявила, что ей необходимо рану заговорить и что въ это время въ избѣ никому постороннему нельзя оставаться. Старый Бумиръ, между прочимъ, до смерти боялся всѣхъ ворожей и знахарокъ-старухъ. Не окончивъ начатой рѣчи, онъ поспѣшно оставилъ избу, не теряя, однако, надежды, что предпринятое имъ ему удастся привести въ исполненіе послѣ того, какъ больному заговорятъ рану. Къ его огорченію, спустя довольно долгое время, Яруха явилась на дворъ и сказала, что больной заснулъ крѣпкимъ сномъ и спать будетъ до завтрашняго утра; будить-же его, ни подъ какимъ предлогомъ не слѣдуетъ, иначе злые духи обратятъ болѣзнь на того, кто осмѣлится разбудить больного. Волей-не-волей, Бумиръ принужденъ былъ остаться на дворѣ, не до-

бившимся отвѣта, а чтобы имъ заручиться, приходилось ждать утра. На это у него не хватало ни времени, ни терпѣнія. Ему предстояло еще объѣхать много другихъ кметовъ, склонять, уговаривать ихъ; повидимому, князь для этой цѣли его и послалъ... Бумиръ обратился къ Дюжему:

— Недосугъ мнѣ дожидаться до завтрашняго утра, — сказалъ онъ съ явнымъ оттѣнкомъ раздраженія въ голосъ. — Теперь Доманъ спитъ... Проснется, скажи ему — пусть хорошенько подумаетъ обо всемъ, что я ему передалъ сегодня... Выгоднѣе держаться сторонниковъ мира... Не забудь-же напомнить ему объ этомъ, а мнѣ до ночи еще необходимо кое съ кѣмъ повидаться...

Такъ удалось Доману избавиться отъ навязчивости ненавистнаго ему человѣка. Бумиръ, ворча, сѣлъ на лошадь и отправился въ путь. Доманъ о снѣ и не думалъ: онъ только подговорилъ старуху, чтобы она помогла ему отдѣлаться отъ Бумира. Едва Доманъ услышалъ топотъ выѣзжавшихъ со двора всадниковъ, какъ привсталъ съ надѣвшею ему до крайности постели, пробуя свои ослабѣвшія силы. Ярухъ, въ расчетъ которой совсѣмъ не входило видѣть столь быстрый исходъ болѣзни, не малыхъ трудовъ стоило принудить Домана снова улечься. Онъ, впрочемъ, и самъ не замедлил почувствовать, что ноги ему еще плохо служатъ. Возобновился процессъ заговариванія — старуха вошла въ свою роль. Здѣсь, у Домана, ей жилось хорошо: ѣды и питья было вдоволь, она и дѣлала все возможное, чтобы подольше казаться необходимой.

Ночь наступила. Доманъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ, когда въ избѣ появился новый гость.

Какимъ путемъ удалось ему пробраться въ избу — Яруха не могла разгадать.

Скорчившись у огня, она только было собиралась вздремнуть, какъ въ дверяхъ ей блеснулъ кошачій глазъ карлика Зносека...

Голова у него была обернута какими-то тряпками, изъ-подъ глазу сочилась кровь... Онъ появился столь неожиданно, что старуха, на первыхъ порахъ, испугалась — ей почудился домовой...

И не мудрено: надо было быть Зносекомъ, чтобы не считать за преграду ни воротъ на заборѣ, ни сторожевыхъ собакъ, ни расположившейся отдыхать на дворѣ челяди. Какъ удалось ему преодолѣть такіа препятствія?.. Это составляло его личную тайну,

Очутившись въ избѣ, онъ тихонько подошелъ къ старухѣ, рукою указывая на свою раненую голову. Яруха попробовала снять повязки: онѣ оказались присохшими къ ранамъ; пришлось ихъ отмачивать. Зносекъ шипѣлъ отъ боли. Доманъ проснулся.

— Какъ сѣумѣлъ ты войти сюда, что тебя собаки не разорвали?—спросила вѣдунья, едеа слышнымъ шопотомъ.

Зносекъ отвѣтилъ ей также тихо на ухо, что, провѣдавъ о ея пребываніи здѣсь, онъ положилъ себѣ во чтобы-то ни стало увидѣть ее, такъ-какъ раны причиняли ему невыносимую боль.

Онъ сознался, что, не имѣя другого способа, вскарабкался на растущее у самого частокола дерево и по вѣтвямъ его спустился во дворъ. Тутъ, прокрадываясь среди спящихъ собакъ, онъ проползъ къ дверямъ хаты, никогда не запиравшимся.

Яруха, осмотрѣвъ его раны, начала плевать во всѣ стороны; при этомъ она бормотала какія-то безсвязныя слова. Затѣмъ, изъ нашедшагося при ней узелка, она достала пучекъ цѣлебныхъ травъ, смочила ихъ особою жидкостью изъ глинянаго горшечка и, приложивъ все это къ пораненнымъ мѣстамъ, снова обвязала тряпками голову безобразнаго Зносека. Огонь потухалъ, въ избѣ съ трудомъ можно было различать предметы, но какъ-разъ въ ту минуту, когда Зносекъ стоялъ на колѣняхъ передъ Ярухою, кончавшею перевязку, — лучина вспыхнула съ трескомъ и, открывъ глаза, онъ увидѣлъ незнакомую личность возлѣ старухи.

Чужой человѣкъ, не спросившись, осмѣлился переступить порогъ его дома... Это его взбѣсило. — Эй, люди!—громко крикнулъ Доманъ.—Зносекъ попробовалъ было улизнуть незамѣченнымъ, но опоздалъ... Спавшая челядь въ мигъ очутилась на ногахъ. Зносекъ упалъ ницъ на полъ. Раздались крики, лай собакъ, суетня, и Зносека схватили. Слуги подвели схваченнаго къ своему господину.

Объ этомъ странномъ созданіи, котораго Доманъ до тѣхъ поръ и въ глаза не видѣлъ—люди болтали, что оно зло, хитро и исполняетъ тайныя порученія князя. Говорили, что карликъ этотъ высматриваетъ, доносить князю все, что удастся ему подмѣтить или услышать; что онъ обладаетъ удивительною способностью войти, подкрасться, втереться всюду, гдѣ его менѣе всего можно было-бы ожидать. Къ этому прибавляли, что ужъ одной наружности достаточно, чтобы опредѣлить, каковъ онъ есть молодецъ.

Доманъ въ припадкѣ гнѣва велѣлъ злосчастнаго карлу повѣсить на дубѣ. Зносекъ упалъ на колѣни, моля о пощадѣ. Яруха за него не вступалась, она только подтвердила, что онъ, дѣйствительно, вошелъ въ домъ Домана по поводу боли, причиняемой ему ранами на головѣ.

Слуги брались уже за веревку, чтобы исполнить приказаніе своего господина и вздернуть Зноска, котораго они всѣ искренно ненавидѣли, къ самой вершинѣ громаднаго дуба, въ видѣ крупной желуди. Доманъ, однако, сжалился надъ плачущимъ у ногъ его Зноскомъ и велѣлъ его выгнать за дверь, натравивъ на него собакъ. Слуги потащили карлу къ порогу, свиснули собакамъ, натравили ихъ на полуживаго отъ страха Зноска и пустили его. Несчастный, окруженный сворой разсвирѣпѣвшихъ животныхъ, кусавшихъ его за что ни попало — Зносекъ летѣлъ — не бѣжалъ, по направленію къ изгороди: послѣ неимовѣрныхъ усилій удалось ему, наконецъ, увернуться отъ преслѣдовавшаго его непріятеля и вскочить на заборъ. Одна лишь собака, успѣвшая ухватиться зубами за ногу Зноска, не выпустила ее и тогда, когда Зносекъ уже сидѣлъ на изгороди: остервенѣвшій песъ до тѣхъ поръ висѣлъ, уцѣпившись за свою жертву, пока не откусилъ ей всей пятки, схваченной его пастью. Зносекъ, перевалившись черезъ заборъ, исчезъ въ ночномъ мракѣ.

Яруха снова присѣла къ огню и, пожалуй, жалѣла, что Зноска не вздернули, потому-что въ тѣ времена изъ повѣшенныхъ добывали лѣкарства, различныя цѣлебныя мази, а подобныя вещи ей-бы всегдагодились. Ее вѣдь никто не упрекалъ въ томъ, что карла именно ради нея пробрался въ избу: она и сидѣла спокойно у огня.

Между тѣмъ, Зносекъ упалъ на землю у самой изгороди. Скрежеща зубами отъ боли, онъ кулакомъ угрожалъ Доману, проклиная его и весь домъ его. Онъ клялся ему отомстить, хотя-бы самому пришлось жизни лишиться... А Зноску, княжескому наперснику, такого рода клятву не трудно было сдержать. Перевязавъ наскоро, кое-какъ, ногу, онъ на зарѣ направился къ сторонѣ лѣса; но, опасаясь новой бѣды, долго еще, оглядываясь на Доманову усадьбу, угрожая ей кулаками и съ яростью скаля зубы.

XIV.

На самой срединѣ озера Ледницы возвышался небольшой островъ, островъ священный, къ которому издалека, отъ береговъ Вислы, Одера и Лабы стекались путники съ приношеніями, а также за ворожбой и совѣтами.

Немного насчитывалось храмовъ и святынь на славянской землѣ. У Рановъ, на островѣ, находился храмъ Святовида, да другой въ честь того-же бога, у Редаровъ; третій—Триглава, былъ у сербовъ надъ Лабою; четвертымъ считался въ Старгородской дубравѣ храмъ Прова. Къ нему отовсюду, особенно въ праздники, сходились толпами многія племена, языкъ которыхъ въ общемъ былъ сходенъ и разнился только нарѣчіями; одною изъ цѣлей подобныхъ сборищъ были и совѣщанія о средствахъ противъ общаго врага.

На островѣ озера Ледницы стоялъ храмъ Нін, именно тотъ, къ которому направилась Дива, желая укрыться отъ мести, и, кромѣ того, всю свою жизнь посвятить служенію у священнаго огня.

Только на третій день открылось глазамъ ея огромное озеро, которое путники привѣтствовали поклонами, потому-что какъ островъ, такъ и самое озеро равно почитались священными.

Виднѣвшійся вдали островъ весь былъ покрытъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Деревья заслоняли собою храмъ, и изъ нихъ его советѣмъ не было видно. У самаго берега, на сваяхъ, нѣкогда погруженныхъ въ озеро, стояли рыбацкія хаты, невзрачныя, убогой наружности. Тутъ-же, привязанныя къ сваямъ, колыхались на волнахъ небольшія лодки, съ помощью которыхъ рыбаки, обитатели бѣдныхъ хижинъ, перевозили путниковъ на островъ.

По преданію было извѣстно, что хижины этихъ бѣдняковъ издревле здѣсь находились, что нѣкогда было ихъ чрезвычайно много, что сваи занимали значительное пространство воды, а въ постройкахъ, возведенныхъ на нихъ, жили нѣкогда люди зажиточные, даже богатые, составлявшіе одну колонію. Но со временемъ сваи портились, подгнивали, строенія падали въ воду, люди переселялись на сушу и расходились въ разныя стороны. Ко времени нашего разсказа изъ строеній всего осталось лишь нѣсколько.

У описанныхъ хижинъ Дива простилась съ провожавшими ее: наконецъ-то она могла считать себя въ безопасности и направиться туда, куда призвала ее судьба. Здѣсь представлялись лишними и друзья и подруги... Самборъ распростерся у ногъ ея на землѣ; онъ съ дѣтства привыкъ уважать и любить ее.

— Будь здоровъ, Самборъ, — проговорила Дива:—будь счастливъ... Передай мой поклонъ братьямъ, сестрѣ, всѣмъ... даже птицамъ, что порхаютъ надъ нашимъ домомъ.

Изъ ближайшей лачужки вышелъ сгорбленный старецъ, съ весломъ въ рукахъ. Не говоря ни слова, онъ подошелъ къ лодкѣ, отцѣпилъ ее, сѣлъ и ждалъ. Дива поспѣшила къ нему... Они отвалили, и, скользя по зеркальной поверхности озера, плавно подвигались впередъ. Оставшіеся на берегу слѣдили за ними глазами. Старуха-няня рыдала. Дива махала платкомъ. Бѣлыя птицы, щебеча, кружились надъ нею, словно-бы утѣшали въ ея прощаніи на вѣки со всѣмъ, что было дорого ея сердцу. Лодка между тѣмъ все плыла. Ужъ съ трудомъ можно было различать очертанія сидящихъ въ ней; виднѣлась только бѣлая рубаша Дивы и такое-же бѣлое ея личико; затѣмъ, только свѣтлое пятнышко на темномъ фонѣ воды... Еще мгновенье, и даль скрыла Диву отъ глазъ любящихъ, преданныхъ ей людей. Лодка, вздрогнувъ, толкнулась о берегъ...Старикъ вышелъ первый и придержалъ лодку... Два камня торчали по близости.. Дива по нимъ добралась до суши.

На островѣ царствовала мертвая тишина... Только одни соловьи насвистывали свои пѣсни въ кустахъ. Въ разныхъ направленіяхъ вились узенькія тропинки—слѣды человѣческихъ ногъ.

Дива неторопливо шла; она чувствовала себя у цѣли своего путешествія.

Въ чащѣ встрѣтился ей на пути небольшой лужокъ. Здѣсь группами сидѣли люди и молча подкрѣплялись принесенною съ собою пищею.

По ихъ одеждѣ, неодинаковаго покрою и цвѣта, видно было, что сошлись они сюда изъ различныхъ странъ. Были здѣсь, во многомъ схожіе между собою, сербы, живущіе по Лабѣ, вильки, седары; были и далеминцы, крайнцы, дулебяне, древляне изъ Дранеданскихъ лѣсовъ, здѣшніе поляне, лужичане, живу-

щіе по Вартѣ и Одери, бужане изъ прибугскихъ странъ, хорваты и иные представители племенъ, которыхъ всѣхъ перечислить трудно. Каждое племя носило свое особое имя, хотя всѣ вели начало отъ одного общаго корня. Поистинѣ пріятное впечатлѣніе производили эти люди, легко понимавшіе другъ друга, хотя до тѣхъ поръ никогда и нигдѣ не встрѣчавшіеся. У каждаго изъ нихъ были свои характерныя отличія, на первый разъ иногда возбуждавшія удивленіе, но никогда не мѣшавшія имъ сознать себя дѣтьми одной престарѣлой матери.

Дива спокойно прошла среди нихъ. Всѣ съ любопытствомъ слѣдили глазами за стройной красавицею. Съ лужайки святыни была еще не видна; чаща заслоняла ее отъ нескромныхъ взоровъ. Только войдя въ самую глубь лѣса, Дива замѣтила первую каменную ограду святыни. Громадные камни стояли молчаливо, угрюмо, въ томъ видѣ, въ какомъ создала ихъ природа, а море прибило своими волнами... Человѣческая рука не касалась ихъ внѣшности, хранившей на себѣ отпечатокъ цѣлаго ряда столѣтій. Камни эти, словно окаменѣвшіе сторожа святыни, на равныхъ одинъ отъ другого разстояніяхъ, представляли собою непрерывную цѣпь, тянущуюся, казалось, до безконечности, въ обѣ стороны.

На одномъ изъ камней сидѣла женщина вся въ бѣломъ, съ задумчивымъ лицомъ. Серебристые волосы, на которыхъ виднѣлся зеленый вѣнокъ — свидѣтельствовали о ея лѣтахъ. Въ рукахъ у нея была длинная палка, видомъ коры своей напоминавшая извивающуюся змѣю. Бѣлая одежда была разукрашена рядомъ блестящихъ пуговицъ. На лицѣ старой женщины, спокойномъ, покрытомъ морщинами—жизнь, казалось, завяла, полуумерла: видно было, что ей ни смерть не страшна, ни жизнь не дорога.

Дива поклонилась старухѣ.

Старуха медленно подняла глаза на красавицу и, не произнеся ни одного слова, указала ей рукою по направленію вправо, гдѣ за оградой виднѣлась небольшая тропинка, послѣ чего снова погрузилась въ полудремоту.

Дива пошла по указанному направленію. На пути въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ограды, попался ей старикъ небольшого роста, весь въ бѣломъ, съ длинною бѣлой палкою въ рукахъ. На головѣ у него была высокая шапка.

Нахмуривъ сѣдыя брови, старикъ пытливо смотрѣлъ на приближавшуюся къ нему дѣвушку. Дива привѣтливо поклонилась.

— Ты здѣсь отецъ и господинъ?..—спросила она.

— Я, Визунъ... Да...

— Я пришла съ просьбою пріютить меня,—начала Дива,—я желаю сторожить священный огонь Ніа... Въ дѣтствѣ еще я поклялась служить богамъ!

Старикъ спокойнымъ взоромъ окинулъ красавицу и слушалъ. Просьбу свою Дива произнесла взволнованнымъ голосомъ. Щеки ея зарумянились.

— Ты сирота?—спросилъ онъ.

— Да... Но еще недавно у меня были и отецъ и мать, теперь у меня остались сестра и братья... Кметъ Вишъ былъ моимъ отцомъ... Виша убили княжескіе слуги...

Визунъ, видимо, заинтересовался ея рассказомъ.

— Сосѣдъ нашъ хотѣлъ меня силою увести... хотѣлъ, чтобы я была его женою... я убила его, защищаясь... Изъ боязни, что меня будутъ преслѣдовать, я пришла сюда...

— Ты убила?—вскричалъ удивленный Визунъ:—Ты, ты убила?.. Какъ звали этого человѣка?

— Доманъ!—отвѣтила дѣвушка и вся отъ стыда покраснѣла.

— Доманъ! Доманъ!—твердилъ старикъ, ломая руки... Еще ребенкомъ я лелѣялъ его на своихъ рукахъ...

Старикъ сильнѣе нахмурилъ брови.

Дива поблѣднѣла; ей показалось, что ее непремѣнно прогонятъ, а этого она боялась больше всего на свѣтѣ. Старикъ молчалъ.

— Доманъ убить!—мысленно повторялъ Визунъ.—Погибъ отъ руки женщины...

— Говори сейчасъ, какъ ты его убила!—обратился онъ къ Дивѣ. Дрожащимъ голосомъ рассказала красавица старику свою печальную повѣсть, стараясь оправдаться въ его глазахъ клятвою, данною ею богамъ еще въ дѣтствѣ, и насиліемъ Домана. Визунъ нѣсколько разъ переспрашивалъ—увѣрена-ли она, что Доманъ убить, а не раненъ... Онъ не могъ свыкнуться съ тѣмъ, что Домана нѣтъ въ живыхъ...

— Позволь мнѣ здѣсь остаться!—умоляла Дива.

Старикъ долго не отвѣчалъ ей: онъ думалъ.

— Оставайся,—сказалъ онъ наконецъ,—но ты и слишкомъ молода и слишкомъ красива для здѣшняго образа жизни... Ты вѣдь, поди, еще и самой себя-то не знаешь... соскучишься... начнешь тосковать... Оставайся, какъ гостя... Иначе я тебя не хочу... Боль сердца пройдетъ и ты уйдешь!.. Уйдешь!

— Нѣтъ, нѣтъ!—отвѣчала Дива,—останусь...

Визунъ грустно улыбнулся и рукой указалъ ей тропинку, ведущую въ храмъ.

Дива весело по ней побѣжала. На пути ей встрѣтились частоколъ и ворота. Частоколъ сдѣланъ былъ изъ кольевъ, сплошь покрытыхъ рѣзбою. Столбы воротъ были также рѣзные, но притомъ окрашенные въ различные цвѣта: бѣлый, красный, желтый... Подъ навѣсомъ, покрывавшимъ, въ видѣ небольшой крыши, ворота—висѣли вѣнки: нѣкоторые были засохши, другіе—свѣжи и зелены. Сейчасъ за воротами начиналась дорожка, вся усыпанная зелеными листьями.

Неподалеку, въ красиво выдолбленномъ пнѣ, помѣщалась свѣжая, ключевая вода, чистая какъ слеза. Тутъ-же лежалъ и небольшой ковшъ.

Дива, зачерпнувъ воды, напилась.

— Новая вода, святая вода!—воскликнула она съ восторгомъ. За воротами ей попался весьма на Визуна похожій старикъ, который, замѣтивъ Диву, скрылся среди деревьевъ. Дорога пролежала между двумя оградами, изъ которыхъ вторая была еще красивѣе первой отдѣлана и окрашена.

На ней висѣли кожи, мѣхъ, разное оружіе—все приношенія навѣщавшихъ храмъ путниковъ. Во второй оградѣ были ворота; входить въ нихъ нужно было по каменной лѣстницѣ. Здѣсь господствовалъ полумракъ: высокая ограда и густая листва деревьевъ мѣшали доступу дневнаго свѣта.

Здѣсь возвышался храмъ. Святыня Нии покоилась на столбахъ; крыша была деревянная. Между столбами ярко-краснаго цвѣта, съ желтыми коймами, висѣли суконныя красныя занавѣси. Стѣнъ совсѣмъ не было.

Когда Дивѣ пришлось поднять занавѣсъ, чтобы войти туда, откуда ужъ нѣтъ возврата, откуда, по ея-же словамъ, она никогда и не пожелаетъ выйти—сердце красавицы сжалось необъяснимо

болью. Въ послѣдній разъ Дива взглянула на Божій свѣтъ, на окружающую природу, въ послѣдній разъ прислушалась къ пѣнію соловья и дрожащею рукою подняла занавѣсъ, который безшумно раздвинулся надъ ея головою.

Дива вошла въ храмъ. Сперва ей показалось, что она попала въ совершенную темноту, такъ-какъ глаза ея, съ переходомъ отъ свѣта, ничего не могли различать.

На нее пахнуло теплымъ, удушливымъ воздухомъ, переполненнымъ запахомъ смолы, янтаря и сожженныхъ душистыхъ травъ. Постоявъ немного и освоившись съ освѣщеніемъ храма, она увидѣла жертвенникъ. Вокругъ него расположенъ былъ рядъ камней, окружавшихъ очагъ, на которомъ небольшимъ пламенемъ горѣлъ священный огонь. Дымъ и искры взлетали къ верху. У самага огня неподвижно сидѣли двѣ бѣлыя фигуры, походившія на мраморныя изваянія.

Дымъ не позволялъ ей разглядѣть хорошенько какого-то чудовища, возвышавшагося почти до самой крыши. Черное, безформенное—оно имѣло ужасный видъ. У ногъ его валялось нѣсколько бѣлыхъ череповъ. Рядомъ съ нимъ висѣли ножи, мечи, стрѣлы, какіе-то трофеи: само-же чудовище было обвѣшано нитками янтаря и красныхъ бусъ.

Въ головѣ его, вмѣсто глазъ, виднѣлись два красные камня, сіявшіе страннымъ блескомъ. Казалось, весь колоссъ сосредоточился въ этихъ глазахъ: они пугали, преслѣдовали каждого, кто входилъ въ святиню; они обладали способностью одновременно смотрѣть во всѣ стороны; свѣтъ огня, отражаясь въ нихъ, придавалъ имъ угрожающій видъ: они представлялись живыми, полными гнѣва.

Въ храмѣ царствовала мертвая тишина... Изрѣдка только нарушалъ ее трескъ горящей лучины, да чириканье птицъ, которыя, пробравшись во внутренность храма, бороздили по всѣмъ направленіямъ воздухъ, нетерпѣливо отыскивая выходъ.

Дива, подъ обаяніемъ неотразимыхъ глазъ чудовища, стояла какъ вкопанная. Наконецъ, она рѣшилась подойти ближе къ огню.

— Такъ вотъ гдѣ мнѣ жить придется!—подумалось ей.

Никого не спрашивая, ни на что не обращая вниманія, Дива подошла къ жертвеннику, въ сосѣдствѣ двухъ дѣвушекъ, подобно

ей посвятившихъ себя служенію при храмѣ, и, поднявъ лучину съ земли, положила ее въ огонь.

Одна изъ сосѣдокъ хотѣла-было помѣшать этой жертвѣ — но опоздала. Лучина Дивы ярко горѣла—красавицѣ представлялось, что то ея собственная жизнь горитъ, исчезаетъ... Двѣ женщины взглянули на нее съ любопытствомъ; Дива, какъ-будто, смутила ихъ. Пламя костра освѣщало ихъ лица: онѣ были печальны, блѣдны, точно цвѣты, преждевременно поблекнувшіе.

Всматриваясь въ красивое, полное жизни личико Дивы, обѣ женщины шептались между собою, повидимому, жалѣя красавицу, попавшую въ храмъ. Онѣ не рѣшались заговорить съ нею и только покачивали головами. Казалось, онѣ смотрѣли на нее, какъ на осужденную. Дива, глазами уставившись на огонь, сидѣла недвижно—она отдыхала.

Смѣняя другъ-друга, являлись все новыя женщины; одна только Дива всю ночь не отошла отъ огня, время отъ времени бросая въ него лучины. Спать ей совсѣмъ не хотѣлось: мысленно прощаясь она съ своимъ прошлымъ, съ жизнью своей, а красные глаза словно грозили ей въ будущемъ.

Прошелъ день, другой... Дива, если и выходила, то только чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Тогда сейчасъ-же ее окружали другія женщины, оглядывали со всѣхъ сторонъ, улыбаясь—приставали съ разспросами; также и путники, наслышавшись о красавицѣ, непременно желали ее увидѣть. Все это заставляло Диву предпочитать уединеніе темнаго храма, откуда она все рѣже и рѣже отлучалась. Безконечныя приставанія интересовавшихся ея судьбою и личностью до-нельзя ей надѣли.

Со втораго-же дня жизни Дивы на островѣ, старуха съ вѣнкомъ на головѣ, первая указавшая Дивѣ дорогу въ святилище, встрѣтивъ красавицу, начала ее спрашивать о ея прошломъ. Дивѣ, волей-неволей, пришлось рассказать ей свою печальную повесть. Старуха слушала, хотя не трудно было замѣтить, что судьба расказщицы мало ее занимала. Дива надѣялась встрѣтить у храма кипучую жизнь, украшенную мечтами и пѣснями, а встрѣтилась лишь съ гробовой тишиной и какимъ-то давящимъ свинцовымъ чувствомъ на лицахъ всѣхъ женщинъ, изнуренныхъ окружающимъ ихъ однообразіемъ. Службу свою онѣ исполняли какъ-то безмы-

слѣнно, молча; дни проходили за днями, среди мертвящей, при тупляющей нервы полудремоты и апатіи. Пришелъ однажды навѣстить Диву и старикъ Визунъ,—старуха оставила уже храмъ,—и окидывая красавицу грознымъ взглядомъ, снова началъ разспрашивать про Домана.

Дива, нечего дѣлать; вторично изложила ему все происшедшее.

— Мнѣ жаль Домана,—сказалъ Визунъ, выслушавъ ее со вниманіемъ,—онъ былъ еще ребенкомъ, когда я его зналъ, я носилъ его на своихъ рукахъ. Онъ обѣщалъ быть хорошимъ малымъ... И пришлось-же ему погибнуть не на войнѣ, не на охотѣ, а отъ руки женщины... Срамъ и позоръ!

— Что-же мнѣ было дѣлать... Неужели не защищаться?—спросила Дива.—Дикій звѣрь, червь ничтожный, и тѣмъ дано подобное право! Женщина, стало быть, лишена его?

Старикъ не сразу отвѣтилъ; нахмурившись, онъ окинулъ ее дикимъ взоромъ.

— Ты его, надо быть, ранила... но, чтобъ убить!.. Нѣтъ, нѣтъ, этого не могло случиться,—прибавилъ онъ.

Визунъ требовалъ, чтобы Дива обстоятельно объяснила, какъ именно она вонзила Доману ножъ; но бѣдная дѣвушка сама теперь не могла понять происшедшаго, тѣмъ болѣе не сдумѣла-бы рассказать, откуда у нея явилось столько силы и мужества. Она молчала.

На слѣдующій день послѣ разговора ея съ Визуномъ, какъ будто-бы въ наказаніе, заставили ее исполнять самую тяжелую работу: она должна была носить дрова, воду, мести и мыть храмъ, прислуживать всѣмъ. Наконецъ, приказали ей дѣлать то, чего она и дома никогда не дѣлала—заставили ее варить пищу для другихъ. Перепадало не мало ей колкостей, разныхъ двусмысленныхъ улыбокъ; при этомъ старшія изъ ея подругъ при всякомъ случаѣ оказывали ей явное пренебреженіе. Дива все это переносила молча, ни вздохомъ, ни жалобой не сѣтуя на своихъ подругъ. Этимъ избавилась она отъ назойливыхъ женщинъ, которыя замѣтивъ, что колкости ихъ и насмѣшки, мало дѣйствуютъ на красавицу, рѣшились оставить ее въ покоѣ.

Каждый почти день причаливали къ острову лодки, переполненные путниками, изъ которыхъ одни являлись сюда съ жела-

ніемъ узнать будущее, другіе съ цѣлью принести жертву Нін. Дива сторожила у огня въ очередь и внѣ очереди. Здѣсь она была совершенно какъ у себя дома. Никто не мѣшалъ ей смотрѣть на уносящійся столбъ густаго дыма, мечтать, не заботясь о томъ, что ее окружало.

Пищу для храмовыхъ женщинъ обыкновенно приготовляли два раза въ день, всего было вдоволь. Остатками кормили несмѣтныя количества разныхъ птицъ, тысячами кружившихся около храма.

Прошло уже десять дней съ того времени, когда Дива въ первый разъ сѣла у священнаго огня и бросила въ него первую лучину. Тогда ее считали послѣдней, теперь она стала первою: всѣ какъ-то невольно начали ей подчиняться... Дива явилась сюда не съ тѣмъ, чтобы управлять или царствовать, между тѣмъ власть какъ-то сама попала въ ея руки; другія женщины, сами того не замѣчая, признавали въ ней какъ-бы свою начальницу; въ лицѣ ея восторжествовали тѣ прекрасныя свойства души, которыя всегда и всюду заставляютъ любить и уважать одареннаго ими человѣка. Лѣнныя, вѣчно полусонныя женщины, отдали въ ея руки власть, безпрекословно слушаясь ея повелѣній. Она управляла, заботилась о нихъ, работала и пользовалась ихъ любовью. Съ нѣкоторою боязнью, отчасти съ завистью, смотрѣли остальные женщины на прелестную красавицу, до того она была хороша собою; природа, словно, создавала ее для царства и власти.

Однажды, по обыкновенію, Дива сидѣла у священнаго огня. Вдругъ среди господствовавшей здѣсь тишины послышались около храма, разносясь по всему острову, какіе-то странные крики; замѣтна была суетня; шаги торопливо бѣгающихъ въ разныя стороны людей звонко отдавались въ воздухѣ; шумъ увеличивался съ каждою минутою. Диву, успѣвшую уже привыкнуть къ однообразію окружающей ее обстановки—крики эти глубоко поразили. Внезапно поднялись занавѣси, скрывавшія внутренность храма и между двумя столбами, почти у самаго огня, показался Визунъ въ праздничномъ облаченіи, въ конусообразномъ колпакѣ на головѣ. Рядомъ съ нимъ стоялъ мужчина высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, воспаленное лицо котораго испугало Диву. На незнакомцѣ былъ красный плащъ, окаймленный золотою лентою и покрытый свѣтлыми блестящими блестками. Съ лѣвой стороны, подъ плащомъ, видѣлся

широкій мечъ. Видъ этого человѣка, похожаго на дикаго звѣря, съ глазами, выражавшими кровожадность, и чувственными губами, вызвалъ въ душѣ Дивы впечатлѣніе подавляющихъ страха и ненависти. Она охотно-бы убѣжала, если-бы это было возможно.

Незнакомецъ, не снимая съ головы украшеннаго перьями колпака, не поклонившись огню и Ниі, не обращая на нихъ никакого вниманія—разсматривалъ сидящихъ у огня женщинъ. Долго онъ пожиралъ глазами то ту, то другую, но разъ остановившись на Дивѣ, не могъ отъ нея оторваться. Онъ сказалъ что-то шопотомъ Визуну въ отвѣтъ, на что послѣдній встряхнулъ головою. Повидимому, Визунъ не хотѣлъ исполнять приказанія. Незнакомецъ настаивалъ на своемъ. Наконецъ, онъ два раза ударилъ старика по плечу, силою втокнувъ во внутренность храма.

Старикъ нерѣшительными шагами подошелъ къ Дивѣ и, наклонившись къ ней, сказалъ:

— Это нашъ милостивый князь... Онъ хочетъ, чтобъ ты ему ворожила.

— Я ворожить не умѣю,—отвѣчала красавица,—ворожбѣ не прикажешь... она—наитіе духовъ... во мнѣ его нѣтъ...

Въ эту минуту съ другой стороны подошла къ ней Нанія и шепнула ей на ухо.

— Ворожи, я напою тебя зельемъ... Ворожи... только говори лишь худое—это злой человѣкъ... Мы закуримъ сейчасъ еиміамъ.. Начинай, говори ему смѣло, что на умъ взбредеть... Онъ не посмѣетъ ничего тебѣ сдѣлать...

При этихъ словахъ старуха вынула сухія душистыя травы, а на землю поставила желѣзный треножникъ съ углемъ. На уголья Нанія бросила горсть сухой травы и густой, наркотическій дымъ окружилъ, точно облакомъ, наклонившуюся надъ треножникомъ Диву. Долго бѣдной пришлось терпѣть незнакомое ей мученіе. Она чувствовала, какъ какой-то хаосъ поднимался въ ея головѣ; дымъ казался сонмомъ чудовищъ; наконецъ, Дива потеряла сознание всего окружающаго—ей представилось, что попала она въ иной, невѣдомый міръ... силы ея слабѣли...

Двѣ женщины поддерживали ее, безъ чего она навѣрно упала-бы на полъ. вмѣстѣ съ упадкомъ силъ, Дива почувствовала въ

себѣ громадную силу воли. Ей казалось, что она царица, что стужѣть преодолѣть всѣ преграды...

Въ такомъ состояніи повреди красавицу къ князю, который стоялъ у частокола при входѣ въ храмъ.

Дива, остановивъ на немъ пристальный взглядъ, силою воли заставила его опустить глаза. Князь вздрогнулъ.

— Будешь ворожить?—произнесъ онъ вполголоса.

— Буду,—отвѣтила Дива.—Да, я буду тебѣ ворожить...

Передъ Дивою поставили широкій сосудъ съ священной водою... Дива нагнулась надъ нимъ начала всматриваться... Она увидѣла отраженнымъ въ водѣ безобразное лицо Хвостка.

Тотъ не спускалъ съ нея глазъ. Сначала онъ имѣлъ видъ человѣка, иронически относящагося ко всему, что передъ нимъ совершается, но постепенно лицо его стало блѣднѣть, и все болѣе замѣтная дрожь начала пробѣгать по тѣлу.

Стоявшій рядомъ Визунъ, повелительнымъ взглядомъ, казалось, хотѣлъ вдохнуть въ дѣвушку то, что слѣдовало ей говорить.

Минута томительнаго молчанія предшествовала ворожбѣ.

— Темно, темно! Ничего не вижу...—начала Дива,—но вотъ... вижу красную струю... словно кровь течетъ... да... дѣйствительно кровь... всюду кровь... По рѣкѣ плывутъ трупы, одинъ, другой... больше... больше... тусклые ихъ глаза ничего не видятъ... Снова кровь... потомъ чаши... дальше мечи блестятъ... Слышу крикъ: кровь за кровь!.. По рѣкѣ плыветъ пара выколотыхъ глазъ... смотреть на меня... на кострѣ лежитъ убитый старикъ... у столба молодой парень, на кострѣ убитые воины—всѣ кричатъ: кровь за кровь!.. Собаки воютъ, вороны каркаютъ... кровь за кровь!..

Князь не выдержалъ: онъ стремительно кинулся къ Дивѣ, такъ-что частоколъ затрещалъ.

— Э, ты, ворожея проклятая,—крикнулъ онъ:—не начнешь-ли ты иначе видѣть и ворожить?...

— Не могу... Я говорю то, что велятъ говорить мнѣ духи... Князь стоитъ въ свѣтлицѣ... высоко... высоко... внизу люди убиваютъ другъ-друга... крикъ, шумъ, кровь льется струею... Я слышу шумъ: собирается вѣче... на границѣ враги, дома свои бьются... Въ городъ! На столбъ! Кровь за кровь... Столбъ горитъ, городъ горитъ... стѣны, крыши,—все рушится... цѣлая гора труповъ...

вороновъ цѣлая туча... Усѣлись, каркаютъ... клюютъ сердца тѣлъ, еще не остывшихъ... Кровь за кровь!..—Дива не была въ состояніи продолжать; она лишилась чувствъ и упала на руки прислужницъ. Князь дрожалъ вѣсь тѣломъ: онъ сжималъ кулаки, скалилъ свои громадныя зубы, точно дикій звѣрь, собирающійся броситься на добычу... Хвостекъ ударилъ ногою сосудъ: онъ опрокинулся—священная вода разлилась... Тѣмъ временемъ Диву снесли въ храмъ, Хвостекъ молчалъ и только скрипѣлъ зубами.

Визунъ спокойно ждалъ.

— Проклятую эту ворожею связать да наказать посильнѣе плетью!—кричалъ Хвостекъ внѣ себя отъ злости.—Въ яму ее, въ темницу, пусть учится ворожить!..

На этотъ бѣшенный крикъ не послѣдовало отвѣта. Женщины всѣ разошлись. Князь искалъ глазами своихъ людей, но нигдѣ не могъ ихъ замѣтить.

Визунъ безстрастно наблюдалъ за каждымъ движеніемъ князя.

— Успокойся,—проговорилъ, наконецъ, старикъ,—кто хочетъ знать будущее, долженъ довольствоваться тѣмъ предсказаніемъ, какое внушаютъ духи... Дѣвушка въ немъ не отвѣтственна...

Кругомъ никого не было. Визунъ пододвинулся къ князю, вовсе не пугаясь его грознаго вида.

— Князь милостивый,—продолжалъ онъ:—у тебя и безъ того много враговъ, да и обиженныхъ тобою не мало, не увеличивай числа тѣхъ и другихъ, поднимая руку на то, что не одни лишь поляне чтутъ... Мѣсто здѣшнее—свято... дѣвушка тоже священна...

Яростный хохотъ раздался въ отвѣтъ на эту рѣчь; Хвостекъ подошелъ къ старику и, дрожащею отъ гнѣва рукою, схватилъ его за бороду.

— Священное мѣсто.. Священный огонь!.. Священная дѣвушка!..—разразился Хвостекъ:—и ты тоже... старый пестъ... Я ваши огни потушу... я разгоню вашихъ женщинъ... храмъ вашъ съ землею сравняю...

Старикъ даже не поблѣднѣлъ... Онъ равнодушно молчалъ... Князь опустил руку.

— Точно нѣтъ грома и молніи, — проговорилъ Визунъ спокойно:—ты можешь дѣлать, что вздумаешь... Духи съумѣютъ себя

защитить... Разумно-ли затѣвать борьбу съ богами, коль и съ людьми дѣла-то много!

Хвостекъ не отвѣчалъ; порывисто поднялся онъ съ мѣста и вышелъ изъ ограды, шатаясь. Князь возвращался къ своимъ. Визунъ стоялъ у воротъ и смотрѣлъ вслѣдъ уходящему князю.

Въ тотъ день на островѣ, около храма, скопилось много народа. Всѣ слышали крикъ разъяренного Хвостека, слышали, какъ онъ угрожалъ святынѣ, такъ что, когда князь, пробираясь въ толпѣ направился къ своимъ смердамъ и слугамъ—вокругъ него уже поднимался глухой ропотъ неудовольствія. Народъ зашумѣлъ, подобно взволнованному морю... Не успѣлъ Хвостекъ дойти до каменной ограды, опоясывающей храмъ—люди начали собираться кучками, словно желая его задержать.

Визунъ-ли сдѣлалъ имъ знакъ рукою, призвалъ-ли онъ ихъ на защиту храма—трудно рѣшить, но масса лицъ, изъ числа бывшихъ на островѣ, угрожающе двинулась навстрѣчу Хвостеку. Остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи, они сурово глядѣли на властелина. Князь велѣлъ своимъ слугамъ разогнать непокорныхъ—но послѣдніе разогнали княжескихъ слугъ. Хвостекъ очутился одинъ противъ этой толпы, совершенно ему незнакомой. Толпа бушевала. Такъ стояли они другъ противъ друга: ни князь не трогался съ мѣста, ни толпа не рѣшалась броситься на него. Наконецъ, изъ нея вышелъ мужчина, не первой молодости, одѣтый довольно богато, вооруженный иноземнымъ оружіемъ—и подошелъ къ князю.

— Князь,—началъ онъ, обращаясь къ Хвостеку:—я пришелъ поклониться храму, я не твой... не изъ здѣшней страны! Ты, слышалъ я, угрожаешь и храму и священному огню, а права на это у тебя нѣтъ никакого. Храмъ и островъ принадлежатъ не тебѣ, а намъ всѣмъ: вилькамъ, сербамъ, лужичанамъ, древлянамъ и многимъ, многимъ еще говорящимъ одною рѣчью. Не смѣй дотрогнуться до святыни, иначе посмѣемъ мы тронуть твой столбъ и городъ!..

Онъ поднялъ руку, толпа загудѣла, выражая свое согласіе и угрозы.

Хвостекъ стоялъ, сжимая въ своей рукѣ рукоять меча, какъ-бы намѣреваясь кинуться на находившуюся предъ нимъ живую

стѣну. Но что могъ онъ сдѣлать одинъ, противъ этой толпы, которая-бы мгновенно его поглотила?

Наконецъ, князь, сдвинувъ брови, сдѣлалъ угрожающій жестъ рукою и крикнулъ:

— Съ дороги прочь!..

И первый тронулся съ мѣста съ такою увѣренностью, какъ-будто шелъ во главѣ цѣлаго войска. Толпа раздалась... Вслѣдъ за Хвостекомъ въ одиночку, пробирались и его слуги. Не торопясь, не оборачиваясь назадъ, миновалъ онъ толпу, которая только тогда, когда Хвостекъ ужъ былъ далеко, начала кричать:

— Хвостъ! Хвостикъ! Хвостище!

Онъ оглянулся, вскипѣлъ-было снова, но затѣмъ, презрительно усмѣхнувшись, продолжалъ подвигаться впередъ.

У берега его ожидала большая ладья; къ ней онъ и направлялся. Далеко, позади, шли его слуги, испуганные, злые, не смѣвшіе рта открыть для своей защиты; въ ушахъ ихъ еще раздавались озлобленные крики:

— Хвостище! Хвостъ!

Вдругъ — словно Нія задумала отомстить оскорбившему ее князю — громадная черная туча, принесенная бурными вѣтрами, всѣмъ своимъ тѣломъ свинцовымъ охватила вечернее небо и повисла надъ озеромъ.

Подъ нею на горизонтѣ, виднѣлись широкія полосы ливня, затопившаго лѣса и поля и приближавшагося съ каждымъ мгновениемъ; внутри ее что-то гудѣло, какъ будто-бы она заключала въ себѣ тысячи камней, готовыхъ обрушиться на землю. Молнія за молніей ударяла въ озеро; вихрь гнулъ деревья до самой земли, вырывалъ ихъ съ корнями, унося точно легкія перышки. Цѣлыя тучи песку поднимались на воздухъ, наполняя его пылью.

Буря не позволила князю добраться до лодки. Въ испугѣ всѣ побросались на землю, выжидая, пока окончится непогода. Въ храмѣ Ніи блескъ молній, порывами освѣщая темноту, казалось, тушилъ священный огонь; вѣтеръ рвалъ занавѣси, дымъ наполнялъ весь храмъ, искры носились въ воздухѣ. Красные глаза Ніи искрились, точно радуясь этой стихійной борьбѣ. Одинъ за другимъ, почти непрерывно, раздавались удары грома; озеро помутилось, разъяренные его волны далеко плескали на островъ.

Земля тряслась. Князь, закутанный въ плащъ, дрожалъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ. Если-бы кто вздумалъ подслушать его тогда, то крайне-бы удивился, услышавъ мольбы, обращенныя то къ Перуну, то къ крестику, висѣвшему у него на груди. Старые предразсудки и новая вѣра цѣнились имъ одинаково... Поклоняясь новому Богу, онъ почиталъ и прежнія божества, съ которыми ему трудно было разстаться. Несмотря на невольный страхъ, скоро овладѣло имъ нетерпѣніе—онъ началъ ворчать.

— Все это племя слѣдуетъ уничтожить до тла — мысленно проносилось въ его головѣ—пусть ихъ въ плѣнъ уведутъ, пусть превратятъ въ рабочій скотъ, пусть ими пашутъ... Пускай приходятъ саксонцы, и уничтожатъ ихъ... Этотъ змѣиный родъ, всѣхъ этихъ кметовъ, чѣмъ скорѣй ихъ на свѣтѣ не будетъ—тѣмъ лучше... Вѣтеръ уже унимался, буря понеслась дальше, когда Смерда подошелъ къ лежавшему на землѣ князю; Хвостекъ едва не пронзилъ его мечомъ, до такой степени онъ оказался взбѣшеннымъ. Онъ забылъ, гдѣ онъ и что съ нимъ произошло. Лишь узнавъ лицо своего слуги—онъ слегка успокоился.

— Милостивый князь,—проговорилъ Смерда;—буря прошла... солнышко снова свѣтитъ... Уйдемъ скорѣе отсюда, оставимъ этотъ проклятый островъ, гдѣ воистину царство вѣдьмъ. Ни кто другой, только онѣ, эти волшебницы, навели бурю и громы... Молнія побивала многихъ изъ нашихъ. А что случилось съ нашими лошадьми на томъ берегу?

Князь поднялся съ земли и вздохнулъ съ облегченіемъ, убѣдившись, что буря прошла; затѣмъ, Хвостекъ вошелъ въ лодку вмѣстѣ со своими людьми. Лодка отвалила отъ берега.

Изъ-за кустовъ Визунъ, окруженный испуганными женщинами, слѣдилъ за движеніемъ лодки, которая, съ каждымъ взмахомъ веселъ, все болѣе и болѣе отъ нихъ удалялась. Старикъ ворчалъ, женщины тоже, должно-быть, посылали Хвостеку вслѣдъ проклятія.

Старая женщина обѣими руками рвала траву и бросала ее въ сторону исчезавшей на горизонтѣ лодки.

Дива едва только теперь начала приходить въ себя. Она неподвижно смотрѣла въ огонь. Казалось, что духи ее еще не покинули—она вся дрожала.

Солнце выглянуло изъ за тучъ; одинъ изъ его лучей, проскользнувъ сквозь раздвинутую занавѣсъ, пробрался внутрь храма и улегся золотою полоскою у ногъ красавицы, которая улыбнулась ему, какъ кроткому небесному вѣстнику...

На крышѣ снова заворковали голуби, въ кустахъ послышались соловьиныя трели, а надъ княжескою лодкою кружились черныя вороны, опускаясь, то ниже, то выше, какъ-бы желая добратся до буйныхъ головъ.

XV.

У княжескаго столба народъ толпился до поздней ночи. Милостивый князь все не возвращался. Княгиня сидѣла у себя въ свѣтлицѣ и мечтала. Она призывала слугъ, старщину, женщинъ. Иногда она съ безпокойствомъ поднималась съ мѣста, подходила къ окну, къ дверямъ, посылала спрашивать не вернулся-ли ея повелитель, не видно-ли его гдѣ нибудь-вдали, не слышно-ли о немъ чего.

На первомъ дворѣ тоже дожидались князя. Нѣкоторые изъ слугъ, утомившись напраснымъ ожиданіемъ, уже легли спать.

Гдѣ-то вдали, въ сторонѣ лѣса, прошла буря съ шумомъ и ревомъ; затѣмъ опять все утихло. Глянуло было солнышко изъ-за тучъ, но сейчасъ-же и скрылось. Темнота непроицаемымъ саваномъ мало-по-малу покрыла землю—а князь все не возвращался. У княжескаго столба никто не рѣшался ложиться—хозяина не было дома. Если-бы князь замѣтилъ кого-нибудь не готовымъ—отъ была-бы потѣха! Навѣрное не вышелъ-бы несчастный живымъ изъ рукъ недовольнаго деспота.

Каждую минуту Брунгильда высылала мальчика узнавать, не пріѣхалъ-ли мужъ, но мальчикъ каждый разъ приносилъ одно и тоже извѣстіе: ни духу, ни слуху.

Въ свѣтлицѣ княгини закрыли ставни, на окнахъ спустили занавѣсы. По-временамъ ставни тряслись, какъ въ лихорадкѣ. Вѣтеръ гудѣлъ, навѣвая тоску унылыми завываньями.

Только около полуночи у моста послышался лошадиный то-

потъ; люди начали перекликаться другъ съ другомъ—пріѣхалъ князь.

Въ эту минуту, вдоль стѣнъ княжескаго дома, прошла какая-то женщина вся въ бѣломъ: то княгиня вышла встрѣчать своего супруга и господина. Она вздумала-было представиться раздраженной, но, взойдя въ свѣтлицу, въ которой слуги раздѣвали Хвостека, раскладывая его промокшее платье—княгиня замѣтила, что супругъ что-то не весело смотреть...

Взглянули они другъ на друга; здороваться имъ и въ голову не пришло. Князь ударялъ въ столъ кулакомъ и ворчалъ—велѣлъ дать себѣ меду.

Онъ былъ голоденъ, жажда его томила, а притомъ еще злость подкатывалась подъ самое сердце... Князь безъ устали проклиналъ все и всѣхъ, желая всему міру исчезнуть и провалиться сквозь землю.

Брунгильда, со сложенными на груди руками, стояла, прислонившись къ столу. Слуги разбѣжались.

— Давно ужъ полночные пѣтухи пропѣли, а милостиваго моего господина нельзя было дождаться!..

— Молчи ты, сорока!.. Не спрашивай...—крикнулъ князь,—не навязывай мнѣ своей болтовни—я взбѣшенъ—и знать никого не хочу!

— Даже жены!

Князь не отвѣтилъ.

— Хадона послать мнѣ завтра чуть свѣтъ!..

Онъ схватился обѣими руками за голову и рвалъ себѣ волосы.

— Пусть Хадонъ завтра-же ѣдетъ къ саксонцамъ, пусть они къ намъ придутъ сюда... Пускай жгутъ, истребляютъ, пусть душатъ всѣхъ... Пусть всю эту землю пламенемъ истребятъ! Вѣдь если новъ берутъ подъ запашку—сперва очищаютъ ее топоромъ и огнемъ. И здѣсь ничего нельзя будетъ сдѣлать до тѣхъ поръ, пока огонь и топоръ не истребятъ этого проклятаго зелья!..

Княгиня улыбнулась.

— Давно-ужъ я знаю объ этомъ, много разъ совѣтовала,—проговорила она,—одни лишь саксонцы умѣютъ справляться съ такими людьми... Тебѣ одному съ твоими смердами не побороть

ихъ. Ихъ вѣдь здѣсь тьма. Каждый кметъ измѣнникъ, ни одному вѣрить нельзя.

— Чтобъ позвали ко мнѣ Хадона,—повторилъ князь,—но, молчать: куда и зачѣмъ посланъ. Раннимъ утромъ пускай онъ выходитъ пѣшкомъ, а тамъ возьметъ себѣ лошадь изъ табуна. Пусть ѣдетъ со знакомъ отъ меня. Пускай повезетъ перстень.

Княгиня ласково перебирала волосы князя, во всемъ соглашаясь съ нимъ.

— Будь спокоенъ, отдохни—я сама его снаряжу въ дорогу. Еще солнце не успѣетъ взойти, онъ ужъ будетъ отправленъ. Но времени не мало пойдетъ, пока онъ проѣдетъ эти пустыни и проберется за Лабу. А пока они тамъ еще собираться начнутъ, пока тронутся съ мѣста—тѣмъ временемъ, здѣсь!..

Князь посмотрѣлъ на нее.

— Здѣсь они сговариваются, собираютъ вѣче, по ночамъ совѣщаются; сходятся и въ лѣсахъ, ѣздятъ и по дворамъ, рассылаютъ своихъ людей во все концы. Но я надъ ними смѣюсь, у меня людей довольно, столбъ крѣпокъ, да и башня выдержитъ ихъ напоръ. Озеро защититъ, а въ амбарахъ не пусто—все переполнены. Хотя-бы имъ вздумалось обложить столбъ—сумѣю еще съ ними справиться—но они этого не посмѣютъ сдѣлать.

Начался разговоръ въ полголоса. Княгиня сѣла возлѣ своего мужа. Слуги принесли Хвостеку полную миску говядины и кубокъ меда. Говядину онъ рвалъ пальцами, а медъ выпилъ залпомъ.

Насытившись, князь выгналъ вонъ изъ свѣтлицы всехъ своихъ слугъ, и вмѣсто того, чтобы ждать наступленія утра—сейчасъ-же послалъ за Хадонѣмъ.

Хадонъ былъ нѣмецъ, но при князѣ онъ выучился мѣстному языку, привыкъ къ туземнымъ обычаямъ. Тѣмъ не менѣе его не легко было отличить отъ другихъ, когда онъ нарочно входилъ въ толпу, чтобъ подслушивать и присматриваться, а потомъ доносить господѣмъ.

Въ свѣтлицу вошелъ молодой парень, любимецъ княгини, котораго все боялись и—не безъ основанія. Когда князя не было дома, онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ у своей повелительницы, раз-

влекая ее своими рассказами: куда-бы она не отправлялась, всюду за ней ѣхалъ Хадонъ. Князь его тоже любилъ, потому-что нѣмецъ ловко умѣлъ ему угождать, ласкаясь въ тоже время какъ кошка. Не будь у него лицо такъ блѣдно и покрыто веснушками, онъ былъ-бы хорошъ собою, тѣмъ болѣе, что обладалъ густыми, вьющимися волосами, хотя и искрасна-рыжаго цвѣта.

— Хадонъ!—позвалъ его князь, лишь только вѣрный слуга взошелъ въ свѣтлицу.—Поды-ка сюда!.. Завтра чуть свѣтъ соберешься въ дорогу туда...

При этихъ словахъ князь указалъ рукою по направленію на западъ.

— Поѣдешь къ старому, скажешь ему, чтобы прислалъ мнѣ своихъ людей. Довольно ужъ я натерпѣлся; надо рѣшиться покончить съ кметами разомъ. Пусть высылаетъ людей сколько найдется, да чтобы всѣ какъ можно лучше вооружились... Одна горсть саксонцевъ уничтожить эту дикую, безоружную толпу.

Хадонъ искоса взглядывалъ на княгиню, которая глазами старалась ему объяснить, что слѣдовало отвѣчать князю.

— Княгиня дасть тебѣ перстень,—ты его тамъ покажешь, и тебѣ повѣрять. Старый знаетъ, что означаетъ перстень... Я долго оттягивалъ... Сегодня... Да, такъ-то лучше... Пусть приходятъ...

— Милостивый князь,—проговорилъ Хадонъ,—только развѣ слѣпой не замѣтилъ-бы, что у насъ здѣсь творится... Собираютъ вѣче, совѣтуются, а поспѣютъ-ли наши во время?..

Князь разсмѣялся.

— Э, братъ, твердые зубы и тѣ не укусятъ стѣну моего столба—сказалъ онъ.—Пусть ломаютъ ихъ себѣ о него, коли хотятъ... Помощь поспѣетъ во время... Здѣсь-то я ихъ не боюсь!.. Знаю я этихъ собачьихъ сыновъ; больше ворчатъ, чѣмъ кусаютъ,—зубы лишь скалятъ и только! Толпою готовы хоть на ежа съ голыми руками напасть, а разбредутся по парамъ—и снова заснуть!

— Князь милостивый, едва слышнымъ голосомъ замѣтилъ Хадонъ:—справедливо изволишь ты говорить, только все-же здѣсь никому довѣряться нельзя, даже своей дружинѣ...

Князь нахмурился.

— Смердамъ своимъ я вѣрю, а толпы не боюсь: ее не трудно держать въ границахъ.

Князь улыбнулся, беззаботно потягивая медъ; Хадонъ-же началъ рассказывать обо всемъ, что ему въ этотъ день удалось вывѣдать у людей. Слышно, говорилъ онъ, что кметы начали часто ѣздить другъ къ другу, что по ночамъ назначаютъ на городищѣ свиданія, что вѣстовые рыскаютъ всюду, что, наконецъ, кметы избираютъ какихъ-то старостъ.

Князь слушалъ. Презрительная улыбка появилась у него на губахъ.

— Пускай болтаютъ и совѣщаются, пускай кричатъ—больше того они ничего не сдѣлаютъ. А все не мѣшаетъ ихъ проучить! Вотъ для этого мнѣ и нужны саксонцы. Итакъ завтра въ путь, Хадонъ.

Парень снова искоса посмотрѣлъ на княгиню, наклонилъ голову и, скрестивъ на груди руки, вышелъ изъ комнаты.

О происшедшемъ на Ледницѣ князь не обмолвился ни единымъ словомъ, строго-на-строго приказавъ бывшимъ съ нимъ слугамъ молчать обо всемъ. Несмотря на приказъ, полурассказами, полупамятками они успѣли вселить страхъ въ обитателяхъ княжескаго стола.

На слѣдующій день въ городѣ была повсемѣстная тишина. Князь отдыхалъ, княгиня сидѣла у прялки и пѣла, гоня своихъ прислужницъ. Небо заволокло тучами, накрапывалъ дождикъ. Лишь послѣ полудня вышелъ князь на крыльцо и присѣлъ на скамьѣ. Собаки окружили его со всѣхъ сторонъ. Князь поѣлъ, выпилъ, слегка вздремнулъ и, очнувшись, разогналъ всѣхъ своихъ собакъ.

Немного спустя, у моста остановилась кучка людей, требуя, чтобы ихъ допустили къ князю... То были кметы, жупаны, старшины и владыки.

Смердъ приближалъ къ князю съ этимъ извѣстіемъ... Послѣднему невольно пришло на мысль—не являлись-ли кметы предвѣстниками вооруженнаго возстанія? Хвостекъ нахмурилъ брови.

— Впустить ихъ,—крикнулъ князь:—потомъ ворота закрыть и не смѣть никого выпускать безъ моего приказанія. Пусть идутъ—увидимъ съ чѣмъ-то пожаловали!

Князь поднялся со скамьи...

Въ воротахъ показались кметы, всѣ люди почтенные, въ праздничной одеждѣ... Всѣ были вооружены, Хвостъ изъподлобья смотрѣлъ на нихъ: онъ видимо старался запомнить лица, осмѣлившихся явиться къ нему. Тѣхъ, впрочемъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и надѣялся здѣсь увидѣть—тѣхъ не было. Товарищи не хотѣли пускать ихъ къ князю, который легко могъ лишить ихъ свободы, упрятавъ въ темницу.

Кметы дружно и смѣло подвигались впередъ. Князь сѣлъ на скамью, подбоченившись. Отъ моста до крыльца было не особенно близко.

Хвостъ смотрѣлъ на нихъ—кметы тоже, не потупляясь, глядѣли на властелина. Позидимому ни та, ни другая стороны не хотѣли ничѣмъ поступиться. Еще не были высказаны привѣтствія, а глаза ужъ успѣли выяснить все, что за долгое время скопилось въ душѣ.

Въ глазахъ кметовъ читалось, что явились они сюда съ жалобою, но что сильна ихъ увѣренность въ своемъ правѣ—взоръ-же князя, полный ненависти и гнѣва, отвѣчалъ имъ, что увѣренность и надежды ихъ тщетны.

Кметы приблизились къ князю. Впереди шелъ глава Мышко, человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, широкоплечій, длинные волосы и черная, кудрявая борода котораго наводили страхъ даже надикихъ звѣрей. Упояса, куда засунулъ онъ свою руку—висѣли мечъ и топоръ. Слѣдомъ за нимъ неторопливо шагали другіе. Когда горсть этихъ смѣльчаковъ подошла къ крыльцу—Мышко поклонился князю, рукою дотронувшись до головного убора. Князь едва шевельнулся, губы у него дрожали отъ гнѣва.

— Пришли мы къ тебѣ, князь нашъ ты милостивый,—проговорилъ Мышко,—по дѣлу, по старому дѣлу кметовъ. Угодно-ли будетъ насъ выслушать?

— Говорите... Иной разъ чего не приходится выслушать: и карканье воронъ, филиновъ крикъ, да и собачій вой... Послушаемъ и вашего голоса...

Мышко обвелъ глазами своихъ и замѣтилъ, что ни одинъ изъ нихъ не испугался этой угрозы.

— Плохо начинаешь ты съ нами,—продолжалъ Мышко:—сра-

внивая насъ съ птицами да со звѣрьемъ, мы люди такіе же, какъ и ты!..

— Какъ я?—переспросилъ князь иронически.—Ну, такъ это вы плохо начали... Я что-то о равныхъ себѣ здѣсь не слыхивалъ, кромѣ какъ изъ моего рода.

— Слышалъ-ли, нѣтъ-ли,—отвѣтилъ Мышко:—твое это дѣло, князь, я только предупреждаю—не пришлось-бы часомъ почувствовать!.. Сегодня мы еще, пока что, пришли къ тебѣ съ просьбою, не для ссоры, а для совѣта... Князь и вождь нуженъ намъ былъ, вотъ мы твой родъ и пригласили къ себѣ и отдали въ руки его всякую власть. Мы хотѣли, чтобы нашъ князь защищалъ нашу землю отъ враговъ. Но не для того мы облекли его властью, что-бы наши-же шеи онъ намъ рубилъ. Ты, князь, ты забылъ объ этомъ; ты хочешь, какъ видно, обратить насъ въ рабовъ? Знай-же, князь—не легко съ нами справиться! Мы тебѣ говоримъ—измѣнись, будь за одно съ нами и иди рука объ руку!

Мышко умолкъ. Хвостъ, во все время рѣчи дрожавшій отъ злости, всталъ со скамьи и, выпрямившись во весь ростъ, оскорбительнымъ тономъ захохоталъ. Бѣлые зубы его оскалились, пѣна явилась у него на губахъ... Это значило, что онъ взбѣшенъ до крайней степени... Погрозивъ кулакомъ, онъ во все горло крикнулъ:

— Не вамъ мнѣ учить уму-разуму! Не вамъ! Что-же—вы посадили меня на томъ мѣстѣ, гдѣ я теперь, вы? Здѣсь были и отецъ мой, и дѣдъ, и прадѣды мои, а у нихъ была такая-же сила, какъ и у меня! Не вамъ ее у меня отнять! Вамъ вздумалось жить по старому, вамъ хочется прежней свободы—не будетъ вамъ этого, нѣтъ!—Я хочу, чтобы вы меня слушались, и вы будете мнѣ покорны.

Никто не прерывалъ рѣчи князя. Всѣ слушали молча.

— Твоихъ справедливыхъ требованій мы исполнять не отказываемся,—началъ Мышко, немного спустя.—Что справедливо, то исполняемъ,—но не позволимъ превратить насъ въ нѣмецкихъ рабовъ. Тебѣ нравится все, что у нихъ происходитъ; это хищный народъ: гдѣ война, тамъ о свободѣ не можетъ быть рѣчи. Мы не любимъ войны; правда, мы защищаемся, но только тогда, когда насъ затрогиваютъ когда на насъ нападаютъ—и то по необходи-

мости; сами-же мы нападать избѣгаемъ потому, что любимъ свободу. Къ тому-же, и границы наши спокойны.

Князь продолжалъ стоять, какъ-бы не слушая рѣчи Мышко, онъ глазами считалъ пришедшихъ.

— Дальше что?—спросилъ онъ.

— Твои смерды и прислужники отнимаютъ у насъ сыновей; женщинъ—насилуютъ, стада—уводятъ съ пастбищъ, сѣно воруютъ, жгутъ лѣса, истребляютъ наши поля—этого ужъ слишкомъ много! Съ тебя и твоей земли довольно!

Хвостъ началъ ходить взадъ и впередъ по крыльцу. Когда Мышко кончилъ, князь снова спросилъ:

— Дальше что?.. Можетъ, найдется побольше, что, поважнѣе?

— Еще больше?—проговорилъ другой Мышко, уже давно неспокойно стоявшій на мѣстѣ, какъ-бы желая что-то сказать.—Еще тебѣ больше? Да еслибъ мы начали все перечислять, то и конца-бы этому не было. А кто здѣсь, у столба, перепоилъ нашихъ братьевъ такъ, что они, бросившись другъ на друга, перерѣзались всѣ? А потомъ: кто велѣлъ тѣла ихъ бросить въ озеро? А мало развѣ нашихъ погибло и гниютъ еще у тебя въ темницѣ?..

— А я тебѣ еще больше скажу,—отозвался третій.—Ты за одно стоишь съ нѣмцами, съ нашими врагами! Ты взялъ себѣ нѣмку въ жены, ты къ нимъ посылаешь, ты съ ними въ дружбѣ живешь! Мы все это знаемъ, все знаемъ!

Онъ поднялъ руку вверхъ, угрожая ею князю.

Кметы начали говорить все громче, каждый хотѣлъ напомнить деспоту о его безчинствахъ... Ужъ теперь необдуманная слова лились рѣкою. Сжатые кулаки появлялись надъ головами... Князь ходилъ, скрежеталъ зубами и злобно смѣялся. По-временамъ онъ бросалъ какіе-то странные взгляды въ сторону, гдѣ стояли смерды.

Княжескіе слуги, одинъ за другимъ, начали оцѣплять кметовъ. Они преградили имъ доступъ къ воротамъ. Челядь вся была вооружена. Сперва никто на это не обратилъ вниманія; наконецъ, Мышко первый оглянулся и замѣтилъ стоящихъ за нимъ вооруженныхъ людей.

— Это что значить?—спросилъ онъ.—Не хочешь-ли въ плѣнъ

насъ забрать? Мы явились къ тебѣ по вѣчевому желанію; случись съ нами что-либо недоброе—тебѣ еще хуже будетъ!

Ни слова не отвѣчая, Хвостъ крикнулъ людямъ:

— Взять ихъ! Кандалы и темница!—вотъ мой отвѣтъ!

Но слуги не успѣли еще тронуться съ мѣста, какъ Мышко бросился на крыльцо и схватилъ князя за плечи. Они долго боролись, образовавъ одну движущуюся массу. Слуги, вмѣсто того, чтобы защищать своего господина, стояли какъ вкопанные: смѣлость Мышко озадачила ихъ.

Среди царившей въ тотъ моментъ тишины, кромѣ проклятій Хвостка и Мышко, ничего не было слышно... Оба соперника, послѣ продолжительной рукопашной схватки, свалились на землю. Князь былъ внизу, на немъ сидѣлъ Мышко, придавливая его всею тяжестью своего тѣла. Все это происходило какъ-разъ противъ входныхъ дверей, которые вдругъ растворились и изъ нихъ выбѣжала княгиня, съ распущенными волосами... Она подняла неистовый крикъ... Ножъ блеснулъ въ ея рукѣ... Еще мгновенье—и княгиня, нагнувшись надъ Мышко, начала ему рѣзать ножомъ горло... Кровь брызнула на столбы крыльца... Кметы бросились выручать своего... Шумъ и крикъ огласили воздухъ... Слуги набросились сзади...

— Бей! Убивай! Рѣжь!—кричали со всѣхъ сторонъ.

Кметы дрались отчаянно. Мышко, несмотря на страшную рану, поднявшись на ноги, долго еще защищался; другіе тоже не мѣшкали... Кметы, замѣтивъ, что врагъ сильнѣе ихъ, сплотились въ одну кучку и начали отступать къ воротамъ... Крикъ, шумъ, вопли... слышались удары, свистѣли стрѣлы... Люди, бывшіе въ башнѣ или стоявшіе на дворѣ, не посмѣли приблизиться къ кметамъ, и стрѣляли въ нихъ издали... Кровь лилась рѣкою... Несмотря, однако, на это, кметы сумѣли достигнуть воротъ, сильнымъ напоромъ открыли ихъ и выбрались на мостъ... Дожидавшіеся здѣсь ихъ слуги, замѣтивъ своихъ господъ, залитыхъ кровью, съ неистовымъ крикомъ бросились на преслѣдовавшихъ смердовъ и снова завязался бой. Съ одной стороны была небольшая кучка людей, отчаянно защищавшихъ своихъ господъ, съ другой—толпа безъ вожда, безъ главы. Не приготовленная къ борьбѣ, возможности которой никто не подозрѣвалъ, и притомъ далеко не же-

лавшая жертвовать жизнью—толпа эта громко кричала, но не преслѣдовала удалявшихся кметовъ и ихъ людей. Хвостъ, тихо явился, но онъ прибѣжалъ слишкомъ поздно. Смерды его не сѣумѣли отрѣзать кметовъ отъ слугъ ихъ и лошадей, добравшись до которыхъ, кметы ушли. Мышко, весь въ крови, поднявъ руку вверхъ, крикнулъ Хвосту на прощанье:

— Тебѣ вздумалось воевать съ нами, такъ быть-же войнѣ!

Но онъ потерялъ столько крови, что чуть не упалъ на землю. Два товарища поддерживали его съ двухъ сторонъ. Кметы удалялись отъ княжескаго града, проклиная его и всѣхъ въ немъ живущихъ.

Хвостекъ бѣсился, что ихъ выпустили, что имъ позволили уйти. Сгоряча онъ велѣлъ вѣшать всѣхъ своихъ слугъ за то, что вовремя они его не поддерживали и дали кметамъ возможность спастись. Смерды тутъ-же начали бить виновныхъ палками и путьями.

Княгиня, съ окровавленнымъ ножомъ въ рукѣ, стояла на крыльцѣ и пальцемъ указывала трусовъ, называя ихъ по именамъ.

Хвостекъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ подбѣгалъ и дралъ ихъ собственноручно.

Долго еще у столба раздавались стоны и плачь. Лишь тогда, когда палачи утомились—избитые слуги разбѣжались во всѣ стороны и попрятались по угламъ.

Князь и княгиня, опомнившись, немного поздно сообразили, что, въ сущности, вовсе не время выказывать свою строгость, такъ-какъ ежеминутно могли представиться обстоятельства, гдѣ помощь слугъ оказалась-бы крайне необходимой.

Тогда, какъ это часто водилось въ старину — послѣ строгаго наказанія наступило время помилованія; даже больше того, какъ-бы просьбы забыть все происшедшее. Князь велѣлъ вынести нѣсколько боченковъ пива и освѣжевать нѣсколькихъ барановъ. Все это по совѣту княгини. Избитые слуги, не переставая стонать, приблизились къ разставленнымъ бочкамъ, начали пить и, почесывая спины, мало-по-малу начали смѣяться другъ надъ другомъ. Смерды, между тѣмъ, чинили поломанные ворота и осматривали мость.

Въ избѣ, на скамьѣ, лежалъ Хвостъ, который, при паденіи на полъ, сколоченный изъ толстыхъ бревенъ, больно ушибся—стонать

и проклиналъ всѣхъ и все. Около него сидѣла княгиня и смотрѣла на него съ жалостью, близкой къ презрѣнію.

— Ты самъ виноватъ,—проговорила она:—нужно было меня слушаться. Это дѣло кончилось-бы совсѣмъ иначе. Слѣдовало вѣжливо попросить ихъ зайти въ избѣ, посадить за столъ, говорить съ ними безъ гнѣва. А тѣмъ временемъ у дверей можно было поставить слугъ, и поймать ихъ какъ рыбу въ сѣти. А еще лучше, надо было наобѣщать имъ всего возможнаго, притвориться слабымъ... А пришли-бы саксонцы, тогда-бы и сдѣлать, что нужно... а не торопиться...

Бѣлою рукою дотронулась она до лба своего супруга.

— У тебя, князь, рука сильнѣе головы. Я, слабая женщина, а все-же лучше сѣмѣла-бы справиться съ этимъ ехиднымъ племенемъ! Слушался-бы меня!

Князь разразился проклятьями.

— Что-жъ теперь дѣлать?

Брунгильда задумалась.

— Надо оттягивать, а тѣмъ временемъ всѣми силами приобрѣтать друзей. Твоя вспыльчивость послужила причиною гнѣва дядей твоихъ, племянниковъ, да и всѣхъ нашихъ; они тоже готовы стать на сторону кметовъ... Перетянуть ихъ на свою сторону — вотъ первое, чѣмъ нужно заняться.

Князь слушалъ.

— Говори, какъ-же это сдѣлать, у тебя разумъ нѣмецкій, я умѣю только сражаться!—ворчалъ онъ.—Ну, говори, что слѣдуетъ для этого предпринять?

Блѣдное лицо княгини покрылось румянцемъ. Она начала нервно ходить взадъ и впередъ по избѣ.

— Дядей и вообще всю родню необходимо привлечь на свою сторону... Присоединись они къ кметамъ—дѣло-бы вышло плохое! Раньше, нежели саксонцы поспѣли-бы съ помощью — тѣ-бы ужъ произвели нападеніе...

Хвостъ такъ на жену и уставился. Брунгильда остановилась передъ нимъ.

— Поручи мнѣ все это,—сказала она.—У Милоша одного сына ты убилъ, другому выкололи глаза... Слепного нужно отдать отцу и такъ подвести, чтобы онъ думалъ, что у сына выкололи глаза

не по нашему приказанію. Я къ нему зайду въ темницу. Нужно его одѣть, накормить и отправить домой. Старый Милошъ проститъ намъ все, когда отдадимъ ему сына. Это очень возможно.

— А два другіе? — спросилъ князь. — А племянники, а всѣ остальные?

— Нужно послать къ нимъ умныхъ людей, просить ихъ пожаловать къ намъ. Нашъ интересъ, тоже и ихъ интересъ. Не будетъ насъ здѣсь, кметы уничтожатъ всѣхъ Лешковъ, въ живыхъ не оставятъ ни одного... Они должны-же это понять... Пускай прѣзжаютъ всѣ, пусть помогутъ совѣтомъ...

— А если не захотятъ, откажутъ?

Брунгильда не отвѣтила на этотъ вопросъ. Она, сложивъ на груди руки, только отрицательно покачала головою. Мужъ и жена посмотрѣли другъ другу въ глаза.

— Пожелаютъ!.. Откажутъ?.. Пусть только сперва прѣддутъ, а тамъ ужъ увидимъ, что удобнѣе предпринять.

Князь застоналъ. Брунгильда поднесла ему чашу съ медомъ и ласково обняла за шею.

— Слушайся меня,—сказала она:—хотя я и женщина, но лучше тебя справлюсь съ людьми. Воевать, я знаю, силъ у тебя хватитъ, но гдѣ нужно хитростью дѣло подвинуть — тамъ ты ужъ представи его мнѣ.

Потомъ, тѣмъ-же заискивающимъ тономъ, она продолжала:

— Теперь я пойду въ темницу, освобожу Лешка и отправлю его къ Милошу. Смердовъ пошлю къ дядямъ. Ты отдохни, дай мнѣ лишь волю дѣйствовать какъ я захочу и увидишь, какъ все хорошо пойдетъ!

Проговоривъ это, она ловко, почти незамѣтно для Хвостека, вышла изъ комнаты. На дворѣ она кивнула рукою своему приближенному Кошубѣ, котораго прозвали Мухой.

Муха былъ молодой и красивый парень, всегда готовый къ услугамъ княгини и постоянно веселый; въ смерды сама княгиня произвела его, узнавъ, что онъ умный и хитрый малый. Муха былъ соперникомъ того нѣмца, котораго княгиня отправила къ саксонцамъ: они вѣчно спорили изъ-за ласковаго взгляда княгини, чѣмъ послѣдняя искренно тѣшилась, такъ-какъ это льстило ея самолюбію. Въ настоящее время, Кошуба считалъ себя счастли-

вымъ, зная, что его соперникъ далеко. Брунгильда улыбнулась, смотря на подбѣжавшаго къ ней вѣрнаго и преданнаго красавца.

— Мнѣ нужно зайти въ темницу, — объявила она: — гдѣ сидитъ слѣпой Лешекъ; ты пойдешь со мною... Нужно снарядить въ путь человѣка четыре, приготовить одежду богатую и красивую. Лешка придется отослать къ Милошу, и сдѣлать это еще сегодня...

Въ отвѣтъ Муха почтительно поклонился.

Княгиня немедленно отправилась по направленію къ столбу. Темница, въ которую посадили Лешка, помѣщалась въ башнѣ. Нельзя было иначе проникнуть въ нее, какъ по лѣстницѣ. Лѣстница въ эту минуту была на своемъ мѣстѣ, такъ-какъ только что передъ этимъ сторожъ принесъ бѣдному узнику хлѣбъ и воду, Брунгильда взошла на лѣстницу, приказавъ Мухѣ слѣдовать за собою. Внутри башни царствовалъ полумракъ. Незатѣйливая лѣстница вела въ темницу, которая запиралась сверху. Подъ тяжелою дверью находилось мѣсто заключенія ослѣпленнаго Лешки, освѣщенное свѣтомъ, проскользающимъ сквозь небольшое окошечко.

Въ этой смрадной ямѣ, на сгнившей соломѣ, лежалъ молодой человѣкъ; несмотря на тяжелое его положеніе, на грязную и простую одежду, полуизорванное покрывало, едва защищавшее худое, пожелтѣвшее его тѣло — онъ сохранилъ всѣ признаки поразительной красоты. Услышавъ необычный въ темницѣ шорохъ женскаго платья, онъ поднялъ голову: на блѣдномъ лбу появились морщины. Брунгильда остановилась на лѣстницѣ: ей стало жутко въ этой темницѣ... Княгиня нарочно кашлянула. Лешекъ всталъ...

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ.

— Я, здѣсь, — тихимъ и сладкимъ голосомъ отвѣтила Брунгильда: — я, Брунгильда...

— Я долженъ умереть, не правда-ли? — спросилъ узникъ.

— Нѣтъ, я нарочно пришла объявить тебѣ о твоей свободѣ, — продолжала княгиня. — Я всегда вамъ обоимъ, тебѣ и твоему брату, желала помочь, я старалась спасти васъ... Князь не по своей волѣ дѣйствовалъ; ваши враги требовали этого... Васъ они обратили въ средство угрозы... Все, что случилось — случилось безъ нашего приказанія, виноваты слуги одни...

Лешекъ презрительно улыбнулся: онъ не вѣрилъ, не могъ вѣрить словамъ этой хитрой женщины.

— Не сомнѣвайся,—говорила Брунгильда:—князь горько оплакиваетъ погибель твоего брата и твое ослѣпленіе...

— А по чѣму-жъ приказанію все это сдѣлано было?—негодующимъ тономъ спросилъ Лешекъ.

— Такого приказанія никогда не было!..

Лешекъ горько смѣялся. Онъ взялъ горсть соломы и безсознательно мять ее въ рукахъ.

— Я освобожу тебя,—прибавила княгиня:—и отошлю къ старику-отцу. Довольно ужъ пролилось крови въ нашей семьѣ, довольно всякихъ несчастныхъ ссоръ. Будемъ друзьями! У насъ и безъ того довольно общихъ враговъ. Съ этихъ поръ, и ты и отецъ твой, вы будете мирно жить въ своемъ домѣ!..

При этихъ словахъ Брунгильда приблизилась къ Лешку, который, услышавъ ея голосъ почти у самаго уха, невольно отшатнулся назадъ, подозрѣвая новую хитрость.

— Не бойся,—говорила княгиня:—клянусь тебѣ, что завтра ты будешь у своего отца. Князь хочетъ мириться съ вами. Сейчасъ тебя выведутъ отсюда, дадутъ новую одежду, накормятъ. Лошади и люди уже ожидаютъ тебя.

Лешекъ не вѣрилъ своимъ ушамъ... Движенія его обнаруживали, точно онъ искалъ какое-нибудь орудіе для защиты себя отъ хитраго врага. Дрожащія руки ощупывали мокрую, холодную стѣну

— Не бойся,—повторяла Брунгильда:—клянусь тебѣ...

Бѣдный узникъ, прислонившись къ стѣнѣ, упорно молчалъ... Между тѣмъ, двое людей, явившихся въ темницу по приказанію княгини, взяли его подъ руки. Несмотря на всѣ увѣренія Брунгильды, Лешекъ старался освободиться изъ рукъ уводившихъ его людей. Онъ стоналъ, подозрѣвая измѣну. Силы, однако, измѣнили несчастному Лешку: здоровый мужчина—слуга взялъ его на плечи и понесъ вверхъ по лѣстницѣ. Брунгильда и Муха слѣдовали за нимъ. На него набросили плащъ и Кошуба повелъ его въ хату, гдѣ была приготовлена для него одежда. Княгиня выбрала блестящій нарядъ. Она возвратилась въ свѣтлицу, гдѣ намѣревалась принять и угостить освобожденнаго Лешка.

По ея приказанію, слуги поставили на столъ миску съ мясомъ, чашки съ молокомъ и медомъ, бѣлые калачи и другія яства. Княгиня рассчитывала сладкимъ голосомъ и любезностью привлечь

на свою сторону недовѣрчиваго Лешка. Муха долженъ былъ предварительно приготовить его къ тому.

Немного времени спустя, двери открылись и въ свѣтлицу вошелъ любимецъ княгини, за которымъ слѣдовалъ, придерживаясь за его рукавъ, несчастный, изуродованный Лешекъ. Это уродство, при его красотѣ, вызывало чувство состраданія даже въ тѣхъ людяхъ, которые привыкли къ подобнымъ зрѣлищамъ. Онъ былъ одѣтъ въ княжеское платье, богато расшитое золотомъ; на немъ была обувь съ красными шнурами и, точно потѣхи ради, мечъ, пристегнутый къ кушаку. Свѣтлорусые его волосы, только-что вымытые, длинными прядями опускались ему на плечи. Блѣдное, истомленное лицо выражало душевную боль. Красныя впадины глазъ, которыхъ вѣки не закрывали вполнѣ, придавали лицу его выраженіе тупого ужаса.

Брунгильда усадила гостя за столъ, сама-же, стоя, подавала ему мясо и медъ.

Лешекъ до той степени оказался голоднымъ, что съ жадностью кидался на все, что ему предлагали. Онъ молчалъ.

Княгиня заискивающимъ голосомъ обратилась къ нему:

— Скажи своему отцу, что я сожалью, безконечно сожалью обо всемъ, что случилось. У меня тоже есть сыновья, почти твоихъ лѣтъ; я горько плакала, узнавъ о постигшемъ тебя несчастіи. Князь былъ тогда пьянъ, слуги его не поняли; правда, онъ велѣлъ тебя посадить въ темницу, но не велѣлъ выкалывать глазъ. Напротивъ, онъ чуть не убилъ того человѣка, который осмѣлился сдѣлать это.

Брунгильда долго еще говорила; Лешекъ слушалъ ее и молчалъ. Это молчаніе беспокоило княгиню: ей показалось, что Лешекъ не довѣряетъ ея словамъ. Она всѣми силами старалась увѣрить несчастнаго, что все произошло безъ участія князя, что онъ совершенно во всемъ неповиненъ.

— Тебя сейчасъ повезутъ къ твоему отцу,—продолжала княгиня.—Я вымолила у князя тебѣ свободу, въ надеждѣ, что ты отца своего съумѣешь помирить съ нами. Передай ему, что князь, и я желаемъ жить съ нимъ въ дружбѣ, въ согласіи. Пусть приѣзжаютъ къ намъ всѣ ваши, пусть сразу рушатся всѣ недоразумѣнія.

Лешекъ молчалъ по-прежнему.

— Ты ему все передашь, что я говорила?—спросила она.

— Что слышалъ—все передамъ,—отвѣтилъ, наконецъ, Лешко.

Ни одного слова больше не удалось Брунгильдѣ вытянуть у слѣпца, упорно молчавшаго. Люди и верховыя лошади дожидались давно на дворѣ; двое слугъ должны были ѣхать по обѣимъ сторонамъ освобожденнаго и поддерживать его въ сѣдлѣ.

Вскорѣ Лешекъ, въ сопровожденіи своихъ спутниковъ, выѣзжалъ изъ города. Муха стоялъ у воротъ, Брунгильда подошла къ нему. Она позвала своего любимца въ свѣтлицу, гдѣ никого не было, и поднесла ему кубокъ меду.

— Сейчасъ, немедленно отправляйся въ дорогу, — сказала она, ласкаясь къ Кошубѣ:—будь остороженъ, здѣсь нужно много ума. Поѣдешь къ дядьямъ моего мужа, скажешь имъ все, что ты видѣлъ, что Лешекъ теперь на свободѣ, что мы хотимъ съ ними мириться, пускай пріѣзжаютъ къ намъ. Кметы волнуются, защита не одному князю нужна, а и всей нашей роднѣ...

— Пусть пріѣзжаютъ — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. Главное съумѣй передать имъ все это... не раздражи ихъ; напротивъ — по возможности успокой... Однимъ словомъ, дѣлай, какъ знаешь, но чтобы они непременно явились сюда... Понялъ?..

Улыбающееся, веселое лицо Мухи служило лучшимъ отвѣтомъ, что смѣтливый малый усвоилъ слова княгини и былъ увѣренъ въ исходѣ даннаго ему порученія. Брунгильда велѣла ему отправиться сейчасъ-же, и когда увидѣла его выѣзжающимъ изъ воротъ—отправилась къ князю взглянуть, что онъ дѣлаетъ. Князь, выпивши изрядное количество крѣпкаго, стараго меду, спалъ на скамьѣ и храпѣлъ на всю комнату.

XVI.

На слѣдующій день Хвостекъ, хотъ и обнадеживалъ себя тѣмъ, что кметы не посмѣютъ напасть на него, велѣлъ однако, по совѣту Брунгильды, приготовляться къ защитѣ. Женщины сносили камни на столбъ и на стѣны, а на башнѣ разставили стражей, чтобъ слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ окрестностяхъ.

Князь, княгиня и смерды совѣщались въ избѣ.

— Они не посмѣютъ осуществить своего нападенія!—увѣрялъ Хвостъ.

Брунгильда отчасти и соглашалась съ нимъ, но все-же совѣтовала разсчитать свои силы. Людей оказалось довольно, вооруживъ ихъ, какъ слѣдуетъ, можно было надѣяться устоять противъ непріятеля, хотя-бы и въ десять разъ большаго. Столбъ былъ наполненъ запасами хлѣба и мяса. На совѣщаніи положено было, во всякомъ случаѣ, до тѣхъ поръ держаться, пока не подоспѣютъ саксонцы. Князь со смердою отправился осматривать все-ли въ порядкѣ.

Огромная башня—княжескій столбъ, куда направился Хвостекъ, была возведена много лѣтъ тому назадъ. Люди разсказывали о ней чудеса. Она была выстроена изъ камня; бревна и деревянные доски раздѣляли ее на нѣсколько этажей.

Въ нижнемъ этажѣ хранились драгоценности и находились амбары съ хлѣбомъ. Подъ ними—темныя, сырыя ямы, вродѣ той, изъ которой вчера вывели Лешка, и колодезь, куда обыкновенно спускали осужденныхъ на голодную смерть. Слѣдующій этажъ весь былъ наполненъ камнями, необходимыми для защиты. Здѣсь тоже стояли бочки со смолою, которую зажигали и выливали на осаждающихъ. Этажемъ выше, обыкновенно, во время осады, помѣщались стрѣлки, метавшіе камни и стрѣлы сквозь пробитыя, съ этою цѣлью, въ стѣнѣ бойницы отверстія. Около стѣнъ лежали цѣлыя кучи досокъ, бревень, камней и связки лучинъ. Въ подземельѣ, кромѣ колодца, помѣщались еще громадныя печи—для того, чтобы во время осады вода и хлѣбъ были всегда подъ рукою. Въ тѣ времена осада никогда не продолжалась особенно долго, что вполнѣ успокоивала Хвоста. Большею частью нападенія совершались стремительно, и враги, захвативъ, въ случаѣ удачи, все, что можно было съ собою унести, возвращались къ себѣ обратно.

Хвостъ все осматрѣлъ. Во время осмотра онъ не сказалъ ни одного слова.

— Не сзумѣютъ они побѣдить меня здѣсь, эти собачьи сыны!—думалъ онъ про себя, возвращаясь домой.

Князь снова легъ на скамью.

Ночь наступила, никто не откуда не пріѣзжалъ, ни одной

новой вѣсти. Въ окрестности полная тишина. Погода была свѣтлая, воздухъ чистый, озеро точно зеркало — даже лѣсъ вдали легко можно было разсмотрѣть. Часовые прохаживались взадъ и впередъ по стѣнамъ.

Среди такого покоя, одно лишь тревожило князя: собаки, взобравшись на насыпи, садились тамъ и поднимали ужасный вой. Князь велѣлъ ихъ прогнать оттуда, бить, но и тѣмъ не заставилъ ихъ замолчать. Едва успѣвали прогнать ихъ изъ одного мѣста, какъ онѣ моментально появлялись на другомъ; когда-же ихъ заперли въ сарай, — они начали выть еще ужаснѣе. Вою собаки сопровождали вороны на башнѣ. Цѣлыя стаи ихъ кружились около столба, каркая во все горло.

Послѣ полуночи — всѣ уже спали, кромѣ часовыхъ — около моста раздались шаги. Кто-то началъ стучаться въ ворота. Ему отворили и провели въ избу. Это былъ старикъ Лисунъ, княжескій пастухъ, который, дрожа отъ страха, произносилъ какія-то безсвязныя, никому непонятныя, слова. Князь и княгиня были въ опочивальнѣ; люди не смѣли ихъ беспокоить и, волей неволей, пришлось ждать до утра. Князь послѣ дневной работы и простого, но всегда обильнаго, ужина, спалъ крѣпчайшимъ сномъ; да, впрочемъ, хотя-бы и вздумали разбудить его, то врядъ-ли добились-бы путнаго слова, до такой степени онъ къ вечеру напивался. Всѣмъ были извѣстны привычки суроваго властелина: до полного вытрезвленія Хвостъ мало что понималъ; только приказывалъ вѣшать да убивать.

Лишь утромъ на слѣдующій день князь проснулся. Смердѣ съ пастухомъ дожидались у порога. Лисунъ припалъ къ ногамъ князя.

— Князь ты нашъ милостивый — проговорилъ онъ: — случилось несчастье... Прислалъ ты ко мнѣ Хадона, чтобы дать ему лошадь. Едва успѣлъ онъ подойти къ табуну, какъ напали на него, кто ихъ знаетъ, — какіе-то кметы, слѣдившіе за нимъ издалика, и схватили его; схватили — да какъ пошли бѣднягу трясти, чтобы, значить, узнать, нѣтъ-ли при немъ чего потайнаго, такъ и нашли у него золотой перстень. А тамъ связали да и въ лѣсъ повели. Онъ, правда, успѣлъ-таки крикнуть мнѣ: дескать, бѣги скорѣе къ князю и расскажи, что случилось... Ужъ и просилъ-же онъ

ихъ, угрожалъ даже—такъ куда,—не хотѣли и слушать! Надо быть тѣ, что его поймали, знали, доподлинно, кѣмъ и куда онъ былъ посланъ.

Князь такъ и взбѣсился!.. Замахнувшись на несчастнаго Лисуна, онъ навѣрное убилъ-бы его на мѣстѣ, если-бы тотъ не упалъ на землю. Хвостъ проклиналъ все и всѣхъ... Брунгильда, съ ребенкомъ на рукахъ, не знала какъ и унять супруга... Крикъ, шумъ, руготня—ходуномъ ходили въ избѣ.

Хвостъ хотѣлъ сейчасъ-же послать людей, чтобъ отбить Хадона у кметовъ, но, на несчастіе, кто именно были нападавшіе и куда повели плѣнника—Лисунъ не сумѣлъ объяснить. Впрочемъ, теперь и не время было людей высылать. Поимка Хадона ясно доказывала, что кметамъ заранѣе стала извѣстна цѣль его посланства; къ тому-же они, какъ видно, совсѣмъ рѣшились открыто вести борьбу съ княземъ, иначе едва-ли отважились-бы задержать его вѣрнаго слугу. Но все-таки смерды отправились во всѣ стороны разыскивать Хадона и кстати насобирать людей для защиты замка.

До полудня никто не показывался, съ башни тоже ничего не было видно подозрительнаго—князь нѣсколько успокоился. Княгиня раздумывала. Она дожидалась возвращенія людей, отвозившихъ Лешка, да, кромѣ того—Мухи, которому поручила пригласить къ князю двухъ его дядей—Мстивоя и Забоя... Однако до самой ночи такъ никто и не возвратился.

Во время переѣзда, слѣпой Лешекъ такъ-же упорно молчалъ, какъ и въ свѣтлицѣ княгини: онъ почти былъ увѣренъ, что провожатымъ его приказано было, завести его куда-нибудь въ лѣсъ и убить. Словамъ Брунгильды Лешекъ не придавалъ никакого значенія. Только тогда онъ началъ себя бодрѣе чувствовать, когда очутился въ отцовскомъ домѣ, когда до его ушей долетѣли звуки давно не слышаннаго имъ рога и хорошо знакомаго голоса старика, стоящаго у воротъ. Увидѣвъ несчастнаго Лешка, всѣ домашніе бросились къ нему съ крикомъ, оглашая воздухъ радостными, но въ то-же время и печальными, возгласами. Они на рукахъ понесли его къ старику отцу.

Милошъ ничего не зналъ о происшедшемъ въ замкѣ. Онъ лежалъ на постели, когда въ избу вносили слѣпого. На шумъ у

дверей онъ всталъ съ постели, медвѣдь, лежавшій у ногъ его, заворчалъ, мать выбѣжала изъ сосѣдней избы... Старуха первая бросилась сыну на шею, обнимая и покрывая всего поцѣлуями. Милошъ присѣлъ: онъ никакъ не могъ сообразить, что случилось,— не сонъ-ли все это?

Когда, наконецъ, родители увидѣли своего сына такъ жестоко изуродованнымъ, хотя ужъ и то можно было считать за счастье, что удалось ему вырваться изъ кровожадныхъ рукъ князя—ими овладѣлъ ужасный гнѣвъ съ примѣсю самага безграничнаго отчаянія. Они проклинали князя, обливая слезами несчастнаго Лешка, котораго усадили на землю, на разосланной шкурѣ. Старый медвѣдь подошелъ къ нему, началъ лизать ему ноги и какъ собака ласкаться къ давно невиданному имъ господину.

Долго въ избѣ раздавались стоны и плачь.

Наконецъ обратились къ Лешку съ разспросами.

— Что-же я вамъ скажу,—отвѣтилъ Лешекъ:—знаю я очень немного; помню одно только то мгновеніе, какъ палачъ подошелъ ко мнѣ съ цѣлью выколоть мнѣ глаза, какъ ножомъ вылуцилъ онъ сперва правый глазъ, бросилъ его на землю и раздавилъ ногою! О, если-бы мнѣ хоть одинъ глазъ оставили! Но нѣтъ, другому суждено было идти вслѣдъ за первымъ; я слышалъ, какъ онъ ударился объ-полъ вмѣстѣ съ оторваннымъ кускомъ мяса... Теперь я полуживой слѣпецъ; остались у меня только двѣ впадины для того, чтобы ручьями лить слезы о горькой своей судьбинѣ!..

Отецъ и мать рыдали безъ удержу... Слѣпецъ продолжалъ:

— Бросили потомъ меня въ какую-то сырую яму, на гнилую солому... Изрѣдка подавали грязную, затхлую воду да немного гнилыхъ сухарей.—Удивляюсь—какъ я еще живъ остался!.. Наконецъ, вчера услышалъ я надъ собою женскій, хорошо мнѣ знакомый голосъ, сладкозвучный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшный—точно шипѣніе змѣи... Брунгильда пришла мнѣ сказать, что несчастье мое произошло не по ихъ винѣ, что никто не приказывалъ лишать меня зрѣнія, что палачъ самъ осмѣлился сдѣлать это... Теперь они просятъ у васъ прощенія и хотятъ съ вами мириться...

— Никогда!—глухимъ голосомъ произнесъ Милошъ.—Теперь, когда кметы имъ угрожаютъ, когда мы оказываемся имъ нужны—

теперь только вздумали они протянуть намъ руку... Слишкомъ поздно!.. Я не пойду заодно съ кметами, но и не помирюсь съ палачами моихъ сыновей!

Мать снова припала къ своему дѣтищу, прижимала его къ груди, утѣшала, ласкала его... Отецъ тоже старался ободрить Лешка... Слугамъ приказано было оставить избу, закрыть ворота... Затѣмъ все утихло.

На слѣдующій день дряхлая мать водила слѣпого сына подъ тѣнь старыхъ дубовъ, помнившихъ его дѣтство... И горько плакали они вдвоемъ, вспоминая счастливое время...

Обычной чредой потянулись дни. На третье утро, съ тѣхъ поръ, какъ вернулся Лешекъ, кто-то постучался въ ворота, затѣмъ раздался звукъ рога, оповѣщающій прибытіе гостей. Милошъ по одному звуку догадался, что къ нему прибыли его братья Мстивой и Забой.

Слуги побѣжали къ воротамъ. Старикъ не ошибся: то дѣйствительно оказались родные братья его, въ сопровожденіи сыновей и семействъ.

Милошъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу, ведя за собой ослѣпленнаго сына. Всѣ молча поздоровались, послѣ чего усѣлись отдохнуть подъ дубами. И Мстивой, и Забой оба насчитывали себѣ порядочное количество лѣтъ, но загорѣлыя лица, желѣзный складъ тѣла и суровое выраженіе глазъ свидѣтельствовали, что жизнь въ нихъ далеко еще не угасла...

— Милошъ!—обратился старшій изъ братьевъ къ хозяину:—мы прибыли къ тебѣ за совѣтомъ... Пепелекъ зоветъ насъ къ себѣ, хочетъ съ нами мириться! Кметы угрожаютъ ему нападеніемъ... Если мы нужны ему, то, по правдѣ, и онъ намъ необходимъ. Когда-то мы съ нимъ воевали, теперь наступило время забыть раздоры—соединиться противъ общаго всѣмъ намъ врага. Онъ погибнетъ—и мы всѣ погибнемъ!..

— Да,—прибавилъ Забой:—долго мы совѣщались; наконецъ, остановились на томъ, что слѣдуетъ ѣхать къ нему. Поддержавъ его, мы вмѣстѣ съ тѣмъ и себѣ поможемъ.

Милошъ угрожающе поднялъ вверхъ руку.

— Мнѣ ужъ никто не поможетъ!—крикнулъ онъ.—Взгляните на моего сына! Убилъ одного, выкололъ другому глаза, чтобъ

дольше, знать, мучился!.. Нѣтъ, и не напоминайте про дружбу съ этимъ чудовищемъ!.. Пусть пропадаетъ онъ, я, всѣ мы... Этимъ себѣ и поможемъ, а чтобы отправиться къ нему лизать его ноги, нужно быть развѣ собаками... Да будетъ проклята эта гадина!..

Наступила мгновенная тишина. Мстивой смотрѣлъ въ землю; Забой съ участіемъ, съ полными слезъ глазами, взглядывалъ на бѣднаго Лешка.

— Коль скоро онъ насъ приглашаетъ—отказаться нельзя,—проговорилъ Мстивой:—такъ или иначе, а надо къ нему отправиться; поѣдемъ! Посмотримъ, что у него тамъ творится...

— Что-бы тамъ у него ни творилось,—возразилъ Милошъ:—поѣдете вы—или нѣтъ, меня оставьте въ покоѣ!.. Я не пристану къ кметамъ, я князь и не намѣренъ якшаться съ ними, но съ Пепелкомъ не желаю встрѣчаться! Случись я на разстояніи меча отъ него—онъ поплатился-бы жизнью!..

Старикъ погрозилъ рукою по направленію къ Гоплу.

Послѣ него никто не осмѣлился произнести ни одного слова. Мстивой и Забой подошли къ Лешку и съ участіемъ разсмотрѣвали его.

Долго еще затѣмъ продолжалась подъ дубами тихая бесѣда. На слѣдующій день рано утромъ оба брата отправились со своими людьми къ князю.

Здѣсь долго уже нетерпѣливо ожидали ихъ пріѣзда. Муха, вернувшись, передалъ, что они согласны видѣться съ княземъ, передалъ также и то, что они предполагали заѣхать за Милошемъ. Послѣдняго, однако, мало надѣялись видѣть. Ночь наступила; разставили часовыхъ—собаки попрежнему подняли вой, вороны попрежнему каркали. Брунгильда велѣла съ башни слѣдить, не подъѣзжаютъ-ли дяди къ столбу.

Всѣмъ какъ-то было жутко: люди, животныя чуяли близившуюся грозу. Всѣ ласточки, покинувъ гнѣзда свои—разлетѣлись: долго онѣ кружились вокругъ домовъ, потомъ вокругъ башни, наконецъ, собравшись всѣ вмѣстѣ, перелетѣли на другой берегъ озера. Лошади ржали, коровы ревѣли невыносимо. Ночь, однако, прошла спокойно; румяная заря оповѣстила наступающій день.

Княгиня съ ранняго утра суетилась по хозяйству, желая

принять, какъ подобаетъ, такихъ высокихъ гостей. Она сама насбирала зелени, варила пищу и приготовляла напитки; мясо жарилось на вертелахъ, изъ погребовъ то и дѣло носили бочки съ медомъ. Свѣжевали козу, наловили рыбы, напекли калачей и праздничныхъ булокъ, чтобъ всего было вдоволь.

Солнце ужъ было высоко, когда у опушки лѣса показались всадники, которыхъ узнали въ замкѣ по сѣдымъ бородамъ и по сопровождавшей ихъ свитѣ. Впереди ѣхали старики, за ними сыновья и родственники, а дальше слуги. Ни на комъ не было видно праздничныхъ одеждъ; казалось, это было сдѣлано съ цѣлю, чтобы, на случай чего, выдать себя за кметовъ. У всѣхъ замѣчалось много оружія.

Они приближались не торопясь; увидя, что Хвостекъ самъ вышелъ навстрѣчу и съ обнаженной головой стоялъ у моста, вновь прибывшіе сошли съ лошадей и пѣшкомъ направились къ князу. На крыльцѣ ждала Брунгильда, блѣдная отъ волненія, въ красивомъ, шитомъ золотомъ и серебромъ, нарядѣ. Съ необычайными почестями повелъ князь своихъ гостей въ замокъ: всѣ молчали; прїѣзжіе, видимо, были поражены — они не ожидали такого блестящаго пріема. Ихъ ввели прямо въ свѣтлицу, гдѣ усадили за столъ, приглашая отдохнуть, поѣсть и попить.

Хвостекъ прервалъ молчаніе и помня совѣты жены, началъ о томъ, что теперь на землѣ чудеса творятся, что злые духи опутываютъ людей и послѣдніе становятся все хуже и хуже; затѣмъ перешелъ къ тому, что кметы осмѣлились возстать противъ него, что собираются они на совѣты въ лѣсахъ; въ заключеніе просилъ у дядей помощи словомъ, относительно того, какъ ему быть и что предпринять?

Мстивой долго молчалъ, — наконецъ, первый проговорилъ:

— Что предпринять? Прежде не нуждались вы въ нашемъ словѣ, а теперь ужъ не поздно-ли? Какъ только кметы начали созывать вѣче, надо было отправиться къ нимъ, позвать на сходъ старѣйшихъ изъ нихъ, разспросить, выслушать жалобы и главное не давать разгораться страстямъ.

Забой высказался въ томъ-же духѣ.

Хвостъ слушалъ, опустивъ голову; нахмурившись, онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ у насъ такого обычая, чтобы господинъ торговался со своими слугами! Пусть будетъ, что будетъ, я-же не способенъ на это!

Мстивой началъ убѣждать князя, что прежде, чѣмъ рѣшиться на что-нибудь, слѣдуетъ все хорошенько обдумать и взвѣснить; противъ теченія плыть не приходится, и если дѣло дойдетъ до открытой войны — на сторонѣ кметовъ окажутся численность и силы ужасныя.

Поочереди говорили и младшіе родственники, безъ исключенія, впрочемъ, вторившіе Мстивому; всѣ совѣтовали жить въ дружбѣ съ кметами, мирно, согласно, не раздражая ихъ.

Князь взглянулъ на свою жену; она незамѣтно пожала плечами и оба молчали; совѣты не пришлись имъ по вкусу. Вмѣсто отвѣта они усердно начали предлагать гостямъ ѣду и питье.

Разговоръ перешелъ на охоту, на разныя постороннія дѣла событія. Но Мстивой скоро вернулся къ оставленному предмету.

— Коли просили нашего слова, — началъ онъ: — слѣдуетъ и выслушать до конца. Вы слишкомъ сурово обращались съ людьми, не мало пролили крови; по вашей винѣ мы тоже терпѣли, но до сихъ-поръ не жаловались. Не какъ князей, а какъ самую подлую чернь, смерды давили насъ, брали все, что ни вздумается, мучили насъ, какъ и сколько имъ было угодно. Если они не боялись поступать такъ съ роднею князя, то что-же могли другіе отъ нихъ ожидать! Смерды рѣзали, грабили кметовъ; отнимали у нихъ стада, табуны, женщинъ насиловали. Послѣ этого удивительно-ли, что они помышляютъ начинаютъ о томъ, какъ-бы избавиться отъ подобныхъ золъ.

Хвостекъ съ княгиней упорно молчали. Послѣдняя оставила вскорѣ избу и долго не возвращалась. Князь слушалъ, не отвѣчая ни слова. Онъ до крови искусалъ себѣ губы и нервно пощипывалъ бороду.

— Что сдѣлано — сдѣлано, того не воротить и это ужъ мое дѣло, — сказалъ онъ, выждавъ удобный моментъ; — а теперь я васъ объ одномъ спрашиваю. Въ случаѣ, если дѣло дойдетъ до открытой борьбы — къ какой сторонѣ вы пристанете — будете за меня, или противъ?

Мстивой и Забой обмѣнялись взглядами. Казалось, каждый

изъ нихъ желалъ предоставить другому отвѣтить на этотъ вопросъ. Хвостъ переводилъ глаза съ одного на другого. Наконецъ, Мстивой проговорилъ первый:

— Ни съ тобою, ни противъ тебя мы не будемъ сражаться.— Съ кметами на свой родъ нападать не приходится потому, что все-жъ свою кровь, какая-бы она ни была, мы умѣемъ цѣнить— а съ тобою тоже соединиться не можемъ потому, что вѣдь намъ жизнь и мила, и дорога. Да мы и помочь вамъ не въ состояніи. Мы какъ сидѣли, такъ и будемъ сидѣть по домамъ—какое намъ дѣло до вашихъ ссоръ?

— Конечно,—ворчалъ Хвостъ:—конечно, умныя рѣчи!.. Меня смѣнять, а на мое мѣсто посадятъ кого-нибудь изъ васъ!—И онъ язвительно захохоталъ, поглядывая на дверь, у которой въ это время показалась Брунгильда.

— Но вы ошибаетесь,—прибавилъ онъ:—меня не будетъ и васъ тоже не будетъ! Имъ понравится, вѣрьте, волчья свобода, а тогда прогонять и васъ. Увидите.

— Помогайте намъ, идите съ нами рука объ руку,—прибавила Брунгильда.

— Мы не въ состояніи этого сдѣлать,—замѣтилъ Забой:—Мишошъ, у котораго одного сына вы убили, другому выкололи глаза, проклялъ-бы насъ, отрекся-бы отъ своихъ братьевъ...

— Да, да!—повторили остальные всѣ въ одинъ голосъ.—Ни съ вами, ни противъ васъ!

Князь посмотрѣлъ на жену и не отвѣчалъ.

Старый медъ оказалъ свое дѣйствіе: гости начали говорить все смѣлѣй и смѣлѣй, молодые парни и тѣ стали жаловаться на свою судьбу.

Хвостекъ, на котораго жена безпрестанно кидала взгляды какъ-бы съ помощью ихъ управляя мужемъ, ничего не отвѣтилъ... Онъ только моталъ головою, водилъ плечами и просилъ всѣхъ угощаться усерднѣе.

Пиръ былъ въ самомъ разгарѣ, когда Брунгильда, замѣтивъ что кубки пустѣютъ, вышла изъ избы. Вскорѣ она вернулась; за нею служанка несла большой горшокъ съ золотистымъ медомъ, который, по указанію Брунгильды, и поставила по самой серединѣ стола. Брунгильда объяснила, что медъ этотъ былъ ею въ то время

еще приготовленъ, когда у нихъ родился первый ребенокъ, приче́мъ увѣряла, что лучшаго невозможно нигдѣ найти. Приглашая по-пробовать, она начала разливать его въ кубки. Среди общей суматохи княгиня себѣ и мужу налила меду изъ другого горшка. Гости не замѣтили этого, пили, хвалили медъ, вкусъ его и прелестный запахъ.

Хвостекъ молчалъ. Старики начинали было ужъ думать, что имъ удалось уломать его. Княгиня все подливала меду.

Заходящее солнце глянуло въ окна.

— Эхъ!—сказала Мстивой, поставивъ свой кубокъ на столъ,—будетъ съ меня! Старый медъ жжетъ мою внутренность, а голова у меня слабая; вообще я предпочитаю воду.

— И я тоже,—прибавилъ Забой:—мало того, что жжетъ, но я такъ напился, что, право, совѣстно, такъ и воротить всю внутренность!

Въ эту минуту одинъ изъ молодыхъ гостей, шатаясь, привсталъ; блѣдный какъ полотно, онъ схватился за грудь и крикнулъ:

— Измѣна! Это не медъ, это ядъ! Ядъ! Медъ такъ не жжетъ—мы отравлены!..

За нимъ и всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ, хватаясь за оружіе; старикъ Мстивой хотѣлъ тоже встать, схватился за столъ, но тотчасъ-же со стономъ свалился на землю. Забой посмотрѣлъ на Хвостка. Кровожадный извергъ оскалилъ зубы, глаза его блеснули дикою радостью. Гости одинъ за другимъ падали на полъ. Ужасныя муки терзали несчастныхъ. Князь и Брунгильда сидѣли спокойно, и молча смотрѣли на страшное зрѣлище. Хвостъ только недовѣрчиво покачалъ головою.

— Таковъ конецъ вашего царствованія!—крикнулъ онъ наконецъ, покатываясь отъ смѣха. — Не хотѣлось вамъ встать за меня, вздумалось лучше быть за одно съ кметами! Погибайте-же тутъ! Кметы, желавшіе посадить васъ на мое мѣсто, пусть-ка теперь сажаютъ трупы! Ни одинъ изъ васъ живымъ не выйдетъ отсюда! Княгиня умѣетъ готовить славный медъ! Издыхайте, несчастные!

Мстивой и Забой не проронили ужъ болѣе ни единого слова. Стыдно имъ было жаловаться. Старшій наклонилъ голову, стиснулъ зубы, посмотрѣлъ на своихъ сыновей, тихонько, едва слышно

вздыхнулъ, и закрылъ глаза, а слезы такъ и катились по блѣднымъ щекамъ. Молодые люди прижались одинъ къ другому, обвивая другъ-друга руками... И имъ стыдно было стонать и жаловаться: старики — и тѣ молча выносили страданія. Въ избѣ раздавался тяжелый храпъ умирающихъ, головы которыхъ при паденіи ударялись со стукомъ о деревянный полъ... Сперва начала умирать молодежь; затѣмъ, Мстивой упалъ навзничъ, съ пѣною у рта... У ногъ его лежалъ его сынъ; другой сынъ еще боролся со смертью, но скоро и тотъ скончался. Забой обѣими руками держался за столъ: ужасная боль въ груди томила несчастнаго; онъ неистово метался по сторонамъ... Наконецъ, и онъ мгновенно, какъ отъ удара грома, свалился на полъ, вмѣстѣ со скамьею. Одинъ за другимъ умирали несчастные гости князя, онъ-же спокойно смотрѣлъ на происходившее.

Вдругъ лицо его какъ-то осунулось, ужасъ отразился въ глазахъ: онъ испугался собственнаго дѣянія и, какъ бы ища поддержки, взглянулъ на Брунгильду, которая съ невозмутимымъ спокойствіемъ прибирала со стола кубки, передавая ихъ улыбающейся служанкѣ.

Потомъ Брунгильда открыла окно и позвала людей.

Смердъ вошелъ въ избу, но, взглянувъ на полъ, усѣянный трупами, поблѣднѣлъ и затрясся...

Князь, указывая ему на умершихъ, сказалъ:

— Съ глазъ убрать! Побольше людей, да сложить ихъ въ кучу! Костра не надо... Просто закопать въ землю!

Смерда не двигался съ мѣста. Князь повторилъ свое приказаніе прибавивъ:

— Вынести прочь эту падаль! Скорѣе! Что-жъ ты такъ вытаращилъ глаза? Вытащить за ноги и зарыть надъ озеромъ... Да яму сдѣлать поглубже, чтобъ собакамъ не вздумалось вырыть.. Еще, пожалуй, отравятся!.. Собакъ-то вѣдь жалко!..

Ночь наступила, когда изъ свѣтлицы таскали за ноги тѣла несчастныхъ стариковъ и едва развившихся ихъ дѣтей... Пьяные слуги сперва подшучивали надъ жертвами княгини, потомъ бросились срывать съ нихъ одежды, ставшія имъ добычею. Тамъ и сямъ поднималась драка изъ-за лучше одѣтаго трупа. Отовсюду сбѣгались люди посмотрѣть на покойниковъ и помочь слугамъ.

Тѣмъ временемъ другіе вязали оставшихся еще на свободѣ слугъ умерщвленныхъ и запирали ихъ въ сарай подъ замокъ.

Старикамъ-князьямъ подобали костеръ и могила, но Хвостъ не хотѣлъ жечь тѣла, а о тризнѣ и не подумалъ. Да и времени у него не было думать объ этомъ. Ихъ, просто-на-просто, закопали въ землю, какъ животныхъ, чтобъ сгнили въ землѣ и служили пищею для червей,—а это, въ тѣ времена, считалось великимъ позоромъ.

Внезапно, какъ разъ когда слуги такъ безсердечно влачили по двору тѣла жертвъ княжеской злобы, со стороны лѣса, несмотря на совершенно чистое небо, поднялся вѣтеръ и, съ сильнымъ порывомъ, пронесся надъ замкомъ...

Хвостъ вздрогнулъ... Испуганными глазами обвелъ онъ окрестности, затѣмъ торопливо вошелъ въ избу... Здѣсь онъ бросился на скамью, весь еще подъ вліяніемъ безотчетнаго страха.

Брунгильда стояла у стола и мыла себѣ руки... Во взглядѣ, которымъ она посмотрѣла на мужа, ясно читалась жалость, близко граничащая съ презрѣніемъ.

XVII.

Между тѣмъ, пока слуги, исполняя приказаніе князя, очищали дворъ и сглаживали слѣды происшедшаго, Жула, староста Мстивоя, предвидя, что и его ожидаетъ плачевная участь, припалъ къ землѣ, осторожно проползъ къ кустамъ, росшимъ у самой стѣны, спрятался въ нихъ и, никѣмъ незамѣченный, взобрался на стѣну; потомъ, соскочивъ съ нея, онъ бросился въ озеро, съ цѣлью переплыть на другой берегъ. Слуги, занятые свсимъ дѣломъ, не обратили вниманія на это бѣгство, не слышали даже всплеска воды... Караулившіе на башнѣ оказались бдительнѣе—они начали стрѣлять по плывшему Жулѣ, подняли крикъ; но пока собирали погоню, Жула успѣлъ добраться до противоположнаго берега, и тамъ, замѣтивъ пасшихся лошадей, вскочилъ на одну изъ нихъ и быстро помчался по направленію къ лѣсу...

Пастухи, которымъ принадлежала лошадь, уведенная Жулою, бросились-было за нимъ въ догонку, но скоро отстали. Ногами и руками понукалъ всадникъ испуганное неожиданностью живот-

ное; какъ шальное скакало оно, не взирая ни на какія препятствія и убавило шагъ только когда очутилось въ лѣсу... Здѣсь всякіе розыски оказывались напрасными...

Жула направился прямо къ Милошу, онъ хотѣлъ спасти хотя одного изъ погибшей семьи... Не трудно было предположить, что Пепелекъ, освободившій ослѣпленнаго Лешка единственно для того, чтобъ привлечь отшатнувшуюся родню снова на свою сторону, не оставитъ и Милоша въ покоѣ...

По пути бѣглецу встрѣтилось нѣсколько кметовъ, которые съ удивленіемъ провожали его глазами... Жула, не останавливаясь, успѣлъ лишь сказать имъ:

— Всѣ Лешки погибли—отравлены... Одинъ Милошъ, со слѣпымъ своимъ сыномъ, остались въ живыхъ!..

Съ быстротою молніи облетѣла печальная новость эта всѣ уголки, гдѣ скрывались кметы...

Жула, между тѣмъ, скакалъ безъ устали... При первой возможности, онъ бросилъ свою уставшую лошадь, перемѣнилъ ее на другую и снова помчался впередъ...

Въ дубовой рощѣ, окружавшей жилище Милоша, сидѣла старуха мать съ своимъ сыномъ, несчастнымъ Лешкомъ, котораго она, какъ ребенка, забавляла рассказами. Немного въ сторонѣ отдыхалъ Слованъ; онъ нарочно былъ приглашенъ, чтобы пѣснями развлекать бѣднаго страдальца. Милошъ находился тутъ-же: онъ, какъ всегда, подперши руками сѣдую голову, думалъ невеселую думу... Вдругъ у воротъ раздался стукъ и зовъ чей-то. То появился Жула. Его сейчасъ-же встрѣтили, узнавъ въ немъ старосту Метивоя. Онъ соскочилъ съ лошади, и съ понуреннымъ видомъ, приблизился къ Милошу... Съ лица его капалъ потъ, губы нервно дрожали; кинувшись старику въ ноги, и не будучи въ состояніи произнести ни одного слова, онъ рыдалъ какъ ребенокъ.

Милошъ было не призналъ его и неудивительно—дорога и сильное горе порядочно-таки измѣнили бѣднягу.

— Князь, господинъ нашъ,—такъ началъ Жула, ломая руки:—ты одинъ у насъ и остался только... Не хотѣли слушаться твоихъ добрыхъ совѣтовъ наши милостивые князья, вотъ и погибли... Хвостъ съ своей нѣмкою отравили ихъ на пиру, въ собственномъ домѣ, отравили своихъ гостей!..

Милошъ всталъ съ земли, но, обезсиленный выслушаннымъ извѣстіемъ, снова на нее опустился; Жула продолжалъ:

— Едва и я успѣлъ жизнь спасти, чтобъ прійти разсказать вамъ объ этомъ... Уходите скорѣе отсюда!.. Сначала-то приняли насъ у князя любезно; Хвостъ самъ вышелъ на встрѣчу... Всѣ усѣлись у стола; хозяева угощали; ѣда и питье длились долго... Только встать-то изъ-за стола никому не было суждено; всѣ какъ сидѣли, такъ и свалились на полъ... Какъ собакъ закопали ихъ въ землю, костра даже пожалѣли... Только псы одни и по-выли... Потомъ перевязали нашихъ людей... Самъ я не знаю, какъ удалось мнѣ уйти!.. Теперь, когда стали ясны намѣренія князя—видно, что онъ и на васъ, милостивецъ, нападеніе задумываетъ... Нужно бѣгствомъ спасаться!..

— О, братья мои, о родъ мой, несчастный!—воскликнулъ Милошъ:—до чего-же дошло, наконецъ. Гибель отъ руки сродника!.. Куда и зачѣмъ мнѣ бѣжать? Захочетъ убить—отыщеть всюду!..

Эти слова слышали Лешекъ и мать, сидящая возлѣ него. Оба они начали горько плакать, предчувствуя бѣдствіе... Слуги, узнавъ обо всемъ, тоже подняли невообразимый крикъ. Одинъ Милошъ угрюмо молчалъ.

— Судьбы не обойдешь!—проговорилъ онъ, наконецъ.

Въ эту минуту взглядъ старика упалъ на сына: жаль ему стало страдальца и въ душѣ онъ проклялъ его палачей. На зовъ Милоша начали собираться со всѣхъ сторонъ люди. Мать, взявъ за руку своего сына, подвела его къ отцу. Все засуетилось, забѣгало...

— Приготовить лошадей,—приказалъ старикъ:—я самъ выѣду... Лешекъ съ матерью и слугами поселятся на время въ лѣсу, тамъ, гдѣ пасѣка... я-же поѣду дальше!.. Поднимать на своихъ руку!.. Родную кровь проливать!.. О судьба, горькая судьба!..

Между тѣмъ, Жулѣ, изнемогавшему отъ голода и усталости, принесли хлѣба и пива. Старый Милошъ, столько лѣтъ пролежавшій въ бездѣйствіи, казалось, вспомнилъ юные годы. Откуда-то у него снова явилась прежняя сила. Онъ поднялся съ постели, выпрямился во весь ростъ и велѣлъ подать себѣ мечъ, лукъ и стрѣлы.

Изъ конюшенъ выводили лошадей, люди приготовлялись въ

дорогу, Милошъ отдавалъ приказанія, суетился—жизнь закипѣла въ дубовой рошѣ.

Сборы быстро окончились. Лешекъ уѣхалъ въ сопровожденіи старухи матери и двухъ парней. Милошъ выступилъ во главѣ десяти всадниковъ. Всѣми забытый Слованъ поднялся тоже съ мѣста, велѣлъ жожаку-ребенку вести себя куда глаза глядятъ, къ добрымъ людямъ.

Никто не зналъ, куда направился князь. Съ нимъ былъ и Жула. Еще недавно убитый горемъ, почти разслабленный, старый Милошъ вдругъ измѣнился: онъ такъ-же бодро сидѣлъ на конѣ, какъ въ далекіе дни своей молодости. Видно несчастье придало ему силъ.

На ночь всадники пріютились въ лѣсу. Здѣсь они раскинули ставку. Милошъ, распорядившись зажечь огни, легъ отдохнуть въ шалашѣ, наскоро собранномъ изъ вѣтвей и сухихъ прутьевъ; уснуть онъ однако не могъ... Всю ночь на пролетъ терзали его тяжелыя думы и съ разсвѣтомъ онъ первый былъ на ногахъ... По данному имъ сигналу, тронулись въ путь... Второй день, какъ и первый, всѣ ѣхали молча: старикъ молчалъ, не смѣли говорить и другіе... Жула, наконецъ, догадался, что Милошъ держалъ путь на Ледницу.

Вдали ужъ виднѣлось озеро, когда всадники встрѣтили нѣсколькихъ кметовъ. Попавшіеся имъ навстрѣчу были съ ногъ до головы вооружены. Узнавъ Милоша, одинъ изъ нихъ, Стиборъ, подошелъ къ нему.

— Ты съ нами, князь?—спросилъ Стиборъ.

— Я... съ местью, не съ вами—угрюмо отвѣтилъ Милошъ... Гдѣ мечь—тамъ и я!

— Мы тоже идемъ мстить Хвостеку,—началъ Стиборъ;—кметы собираются на Ледницѣ... Будь нашимъ вождемъ, князь милостивый...

— Вождемъ нашимъ я быть не могу и не буду,—отвѣтилъ Милошъ:—развѣ рукою!.. Какъ князю, мнѣ съ вами за одно стоять не приходится... Да и въ головѣ у меня мечь лишь одна!..

Сказавъ это, Милошъ оставилъ Стибора и двинулся къ озеру. Кметы шли слѣдомъ. На водѣ виднѣлись лодки, наполненныя

переправлявшимися на островъ. Лошади остались на берегу подъ присмотромъ слугъ.

Милошъ и Жула вошли въ хижину рыбака, чтобъ потребовать лодокъ, но всѣ рыбаки были заняты перевозомъ и, волей не волей, пришлось подождать. Милошъ сѣлъ на землю. Кметы окружили его, но онъ на нихъ не смотрѣлъ.

Кметы шумѣли, спорили, жаловались. Старшій Мышко, съ обязанной шеей, какъ видно, въ средѣ своихъ игралъ главную роль.

Всѣ собрались сюда съ цѣлью выслушать совѣтъ стараго Визуна. Къ тому-же на Ледницѣ безопаснѣе было разсуждать о дѣлѣ, нежели на городищѣ, гдѣ каждую минуту слѣдовало опасаться внезапнаго нападенія. Поотдаля стоялъ Бумиръ со своими сторонниками. Ни для кого не было тайною, что Бумиръ всегда былъ готовъ поддерживать Хвостека. Когда Стиборъ и Мышко отошли отъ князя, не желавшаго говорить съ ними, къ нему подошелъ Бумиръ.

— Ты, князь,—проговорилъ онъ почти шопотомъ:—навѣрное не думаешь соединиться съ этими кметами... Что можетъ быть у тебя съ ними общаго? Я служу своему господину и роду Лешковъ, къ которому самъ принадлежу.

Милошъ взглянулъ на Бумира.

— Если ты за одно съ этимъ убійцею, что живетъ надъ Гопломъ—уходи прочь отъ меня!

Онъ сдѣлалъ рукою повелительный жестъ.

Бумиръ нѣсколько отступилъ, затѣмъ продолжалъ:

— Ты, князь... Тебѣ-бы тоже слѣдовало защищать своего племянника... Ты возразишь мнѣ, пожалуй, что онъ велѣлъ убить твоего сына? — Ну да, положимъ; такъ что-жъ изъ этого? Вѣдь твои сыновья возстали противъ него, стали для него опасными людьми!.. Заяцъ и тотъ защищается, когда собаки на него нападутъ...

— Князь умертвилъ Мстивоя и Забоя,—но вѣдь они ему въ глаза сказали, что жить въ ладахъ съ нимъ не желаютъ... А гдѣ найдешь ты человѣка, который былъ-бы себѣ врагомъ?..

Милошъ молчалъ; Бумиръ снова началъ:

— Что-жъ выйдетъ изъ того, что они собираются и подстрекаютъ другъ друга вооружиться противъ князя?.. Ничего они не

сѣмѣють сдѣлать,—только головъ лишатся... Князь обратится къ нѣмцамъ, тѣ—прійдутъ и уничтожатъ насъ, а землю нашу раззорять въ конецъ...

Долго еще говорилъ Бумирь; Милошъ, въ отвѣтъ — хотя-бы слово! Замѣтивъ, что къ берегу причалила освободившаяся лодка, онъ кликнулъ Жулу и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ нее; усталый рыбакъ ни за что не соглашался сейчасъ-же перевезти ихъ на островъ. Тогда Жула самъ схватилъ весло и отвалилъ отъ берега. Когда они приблизились къ острову, глазамъ ихъ представилось необыкновенное зрѣлище: цѣлыя толпы кметовъ, точно на вѣчновомъ собраніи, галдѣли, бѣгали, суетились, поднимая крикъ, по временамъ доходящій до брани. Старикъ Милошъ вышелъ на берегъ, и молча, ни съ кѣмъ не здороваясь, ни на кого не обращающаго вниманія, прямо направился къ мѣсту, гдѣ стоялъ Визунъ, окруженный жупанами, владыками, кметами...

Не проронивъ ни одного слова, князь сѣлъ среди нихъ на большомъ камнѣ. Нѣсколько дальше занялъ мѣсто только-что прибывшій со своими приверженцами Бумирь.

Старый Визунъ, опираясь обѣими руками на палку, прислушивался ко всему, что вокругъ него говорили. Мышки кричали громче всѣхъ. При появленіи Милоша, всѣ на него взглянули, слегка посторонились, но, впрочемъ, особеннаго вниманія не обратили.

Старшій Мышко, съ обязанною шею, говорилъ:

— Довольно! Будетъ ужъ съ насъ убійствъ — послѣдствій нѣмецкаго господства! Хвостекъ сидитъ въ замкѣ, но не онъ править, а эта баба-яга, которая готовится ядъ и измѣны... Не нужно намъ ни его, ни его сыновей, никого изъ ихъ рода! Достаточно напились они нашей крови!

— Пусть они пропадаютъ! — кричали другіе. — Намъ ихъ не нужно!

Глаза всѣхъ устремились въ сторону Бумира, который весь поблѣднѣлъ, но не отступилъ ни на шагъ.

Милошъ слушалъ, опустивъ голову въ землю.

— Чего это вы вытаращили на меня глазища? — воскликнулъ Бумирь послѣ минутнаго молчанія: — я васъ не боюсь... Вы точно корова, которая громко мычитъ, а молока не даетъ... Хвостекъ и

нѣмка не такъ-то легко отдадутся вамъ въ руки! Начнете войну, они призовутъ нѣмцевъ, разорятъ васъ — вотъ вамъ и будетъ выигрышъ.

Бумиръ зло засмѣялся.

— Саксонцы живутъ не близко!—коротко пробурчалъ Милошъ.

— Да! Но башня крѣпка, замокъ обведенъ частоколомъ, насыпи твердыя, въ озерѣ воды довольно, — возразилъ Бумиръ: — у князя дружина и большая, и смѣлая! Хотя-бы пришлось цѣлый годъ дожидаться саксонцевъ — съ голода не помрутъ!.. Не взять вамъ Хвостека, нѣтъ!.. Впрочемъ, хотя-бы и удалось его захватить, что-жъ изъ этого? У него есть два сына, живущіе въ нѣмецкой странѣ! Какъ придутъ они, да покажутъ вамъ, что значить воевать, тогда и узнаете!..

Слушающіе начали шумѣть.

— Зачѣмъ ты сюда пришелъ?—крикнулъ Мышко Бумиру, приближаясь къ нему. — Отправляйся въ замокъ, лизать тамъ ноги, какъ собака... Здѣсь ты не нуженъ.

— Напротивъ,—возразилъ Бумиръ:—коли умомъ вы обижены, надо-же кому-нибудь васъ надоумить!..

— Прочь его, прочь!—раздались голоса въ толпѣ

Бумиръ не трогался съ мѣста.

— Не уйду!—отвѣчалъ онъ:—кричите хоть до прорыва глотки!.. Я здѣсь также могу быть, какъ и вы.

Стиборъ обернулся къ нему спиною... Другіе угрожали ему кулаками...

— Бумиръ, пожалуй, что и не такъ глупъ, какъ кажется, — замѣтилъ кто-то въ защиту его. — Замокъ крѣпкій, а мы почти безсильны.

— Зато насъ много!—замѣтилъ другой.

— Много, да нѣтъ головы!—прибавилъ Бумиръ.—Ваше дѣло толковать о свободѣ на вѣчевыхъ собраніяхъ, но ужъ никакъ не брать приступомъ княжескіе столбы... Вы—земледѣльцы, плугъ—ваше дѣло, да иногда охота на дикаго звѣря, волка или медвѣдя! Брать каменные стѣны!.. Да пока вы надумаетесь заглядѣть ими, вы сто разъ раньше между собою передеретесь!..

Визунъ до сихъ поръ не вмѣшивался; прислушиваясь внимательно къ каждому слову, онъ поглядывалъ на Милоша, сидя-

щаго съ понурою головою, на Бумира и на безпокойныхъ Мышковъ.

Старшій Мышко подошелъ къ Визуну и, взявъ его за руку, слегка отвелъ въ сторону.

— Перейдемъ куда-нибудь на другое мѣсто, ⁴сказаль онъ:— чтобъ намъ не мѣшаль этотъ княжескій прихвостень!

Мышки, цѣлою гурьбою, тронулись за своимъ старшимъ, Визунъ-же остался на мѣстѣ.

— Пусть каждый говоритъ, что у него на сердцѣ,—сказаль онъ:— на вѣчѣ и на совѣтѣ все можно говорить... А на чемъ старшіе порѣшать, то и будетъ обязательно для всѣхъ!

Всѣ остались на прежнихъ мѣстахъ. Когда водворилась тишина, Милошъ проговорилъ:

— Первымъ дѣломъ—коль скоро хотите войны—вамъ необходимъ воевода... безъ него вѣдь не сдѣлаете ни шагу... Изберите себѣ вожда!

Нѣкоторымъ изъ собравшихся показалось, что Милошъ этими словами намекалъ на себя.

— Лешка намъ не надо!.. Никого изъ Лешекъ!—послышались крики.—Кмета!

— Да избирайте кого хотите, хотя-бы лошадь или быка!—разсердился Милошъ.—Но знайте, что нужно-же выбрать кого-нибудь, иначе разгонять васъ, какъ стадо овецъ!.. Не угодили Лешки—ищите другихъ!.. Въ улѣ безъ царицы, среди людей безъ короля, порядка не будетъ!

Всѣ замолчали.

— Пока еще вождь намъ не нуженъ,—сказаль кто-то:— можемъ и подождать.

— Но въ борьбѣ однимъ вамъ не справиться, — продолжалъ Милошъ:—воеводъ, тысяцкихъ, сотниковъ избирайте—это первое дѣло!

Снова воцарилась тишина. Старшіе переглядывались другъ съ другомъ, указывая глазами на Мышковъ. Мышко съ повязанною шею стоялъ понуривъ голову.

— Ты да твои должны управлять нами,—сказаль кто-то, обращаясь къ старшему Мышку:—васъ нѣсколько человѣкъ не боя-

лось деспоту въ пасть залѣзть, не побойтесь и насъ на него повести.

— Мышко! Мышко! — поддержали другіе: — Пусть Мышко будетъ намъ предводителемъ, мы согласны... Созвать людей и пусть ведетъ насъ на замокъ!

— Согласенъ, — сказалъ старшій Мышко: — я готовъ стать во главѣ, но я требую повиновенія!..

— Будемъ повиноваться! — раздались голоса отовсюду.

Только Бумиръ и его слуги молчали. Замѣтивъ, что здѣсь имъ нечего болѣе дѣлать, они отошли въ сторону.

Все обратились къ Визуну, ожидая отъ него послѣдняго слова но онъ нахмурился: видно было, что настроеніе умовъ въ данный моментъ ему не по сердцу. Когда окончательно состоялось избраніе въ воеводы Мышкова, они собрались въ одну кучку и о чемъ-то между собою шептались.

Послѣ короткаго совѣщанія, Мышки снова присоединились къ толпѣ, изъ которой нѣкоторые кметы обратились къ Визуну съ требованіемъ, чтобы онъ велѣлъ дать изъ храма станицы, обыкновенно предшествовавшія войску, идущему на войну, въ мирное-же время хранившіеся, большею частью, въ храмахъ. Это были старинныя изображенія боговъ и военныхъ эмблемъ, придѣланныя къ длиннымъ шестамъ. Когда ихъ трогали съ мѣста — это было знакомъ, что собираются воевать.

Визунъ вопросительно взглянулъ на новаго воеводу. Мышко, покачавъ отрицательно головою, сказалъ:

— На это времени еще хватитъ, я самъ зайду за станицами... У меня есть своя причина, почему я теперь ихъ брать не хочу!..

Затѣмъ, искоса поглядѣвъ на Милоша и обращаясь къ Визуну, онъ продолжалъ:

— Это ихъ кровь... — и указавъ рукою на князя, — я ей не довѣряю... Не хочу ни совѣщаться съ нимъ, ни говорить при немъ о чемъ-бы то ни было. Вынеси я теперь станицы и объяви войну — они сейчасъ-же начнутъ приготовляться къ защитѣ, сзывая людей на помощь. Пока разумнѣе будетъ скрыть окончательное рѣшеніе, а тѣмъ временемъ успѣемъ собрать народъ безъ шума и крика. Хвостекъ подумаетъ, что мы, испугавшись, притихли... Быть можетъ, намъ удастся его поймать, и не осаждая замка.

Долго онъ въ немъ не высидитъ; черезъ нѣсколько дней отправится на охоту, мы-же будемъ его сторожить прилежно и, авось, убьемъ гдѣ-нибудь въ лѣсу... Ну, а не выгоритъ—тогда ужъ прійдется брать замокъ приступомъ...

Мышко не безъ хитрости улыбнулся; онъ выразительно посмотрѣлъ на Визуна, который головою далъ знакъ согласія.

— Бумиръ, со своими приверженцами, прямо отсюда направится къ князю съ докладомъ, о всемъ здѣсь происходившемъ... Итакъ, разойдемся спокойно!..

Вслѣдствіе такого рѣшенія, сообщеннаго старшинамъ, послѣдніе тотчасъ-же оставили островъ.

Старый Милошъ не уходилъ. Онъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ вновь избранному вождю.

— Я ни о чемъ не стану тебя разспрашивать,—сказалъ онъ Мышкѣ:—знаю, что ты, все равно, скроешь отъ меня правду; ты мнѣ не довѣряешь—и я это знаю! Одно лишь скажу тебѣ: отсюда я никуда не уйду,—развѣ домой!.. Не приходится мнѣ ни съ нимъ воевать, ни съ вами соединиться... Зато, одержи вы побѣду—я первый порадуюсь этому! Старъ я, Лешекъ мой слѣпъ... Наше желаніе: спокойно прожить до конца нашихъ дней!..

Сказавъ это, Милошъ уединился въ глубь лѣса, сторонясь незнакомыхъ людей.

Мышко забралъ свою дружину.

— До времени—всѣ по домамъ!—приказалъ онъ.—Вокругъ замка, въ лѣсу, разставить часовыхъ... На горахъ приготовить костры, чтобы по данному знаку, сейчасъ-же можно было-бы ихъ зажечь. Запылаютъ они—ну, тогда—все, что живо, должно бѣжать къ берегу Гопла, въ окрестности замка... До тѣхъ-же поръ впредь до особаго приказанія, сидѣть смирно! Пусть Хвостъ ничего не подозрѣваетъ!

Всѣ разошлись въ разныя стороны.

Бумиръ, желавшій узнать, на чемъ порѣшили кметы, сунулся было туда и сюда, но никто не удовлетворилъ его любопытства. Тогда, разсудивъ, что, если станицы остались въ храмѣ, слѣдовательно война не объявлена, и кметы, по всей вѣроятности струсившіе, въ своихъ заключеніяхъ ни къ чему не пришли—онъ спокойно отправился къ Хвостеку.

Замокъ былъ на-готовѣ встрѣтить нападеніе непріятеля: часовые видѣлись всюду; ихъ можно было встрѣтить на каждомъ шагу. Какъ только Бумиръ подѣхалъ, его сейчасъ-же выпустили; сама княгиня вышла ему навстрѣчу, она казалась взволнованной.

— Какія новости?.. Съ чѣмъ являешься?..—спросила она.

Бумиръ вздохнулъ.

— Милостивая княгиня,—прогорилъ онъ:—пока опаснаго ничего нѣтъ... На Ледницѣ собрались - было старшины, явился и князь Милошъ толковать о войнѣ, толковали, да, повидимому, столковаться-то не могли!.. Силъ, знать, мало у нихъ!.. Избрали себѣ воеводами Мышковъ, а тѣ и струсили...

Княгиня обрадовалась и всплеснула руками.

— Не можетъ быть?—воскликнула она.

— Истинную правду докладываю, милостивая княгиня,—увѣрялъ Бумиръ.—Накричались вдоволь, разошлись по домамъ, и теперь, полагать должно, все снова будетъ по-прежнему...

Лицо княгини прояснилось. Она просила гостя минуточку обождать, а сама пошла къ мужу, разбудить его и сообщить такую пріятную новость... Вскорѣ показался и князь изъ опочивальни, протирая глаза руками.

Бумиръ поклонился ему и началъ рассказывать, какъ все происходило на островѣ... Князь слушалъ, зѣвая. Потомъ, потренивавъ по плечу Бумира, онъ произнесъ:

— Всѣхъ этихъ Мышковъ я живо переловлю,—тогда тишина и настанетъ... Знаю я ихъ—крикуны, а чуть до дѣла коснется—ни на что не способны!.. Вышьемъ-ка лучше, — прибавилъ онъ, приглашая Бумира усесться за столъ.

Отказаться не представлялось возможности. Хотя Бумиръ и увѣренъ былъ, что съ нимъ ничего не случится, но когда принесли медъ, ему нехотя вспомнилось недавнее угощеніе, и дрожь пробѣжала по его тѣлу.

Онъ началъ усердно кланяться въ поясъ князю, увѣряя, что слуги, преданнѣе его, трудно сыскать. Хвостъ заставилъ Бумира передать всѣ подробности бывшаго на островѣ сборища; по нѣсколько разъ переспрашивалъ имена главныхъ лицъ, словно желалъ ихъ запомнить навсегда. Бумиръ долженъ былъ до поздней ночи пить и рассказывать.

XVIII.

Время шло своимъ чередомъ — въ замкѣ все было спокойно. Князь разсылалъ ежедневно повсюду смердовъ и переодѣтыхъ людей, съ цѣлю узнать что-нибудь новое; но всѣ возвращались съ однимъ отвѣтомъ: все спокойно, нигдѣ о войнѣ и не помышляютъ. Лѣто стояло жаркое; въ иныхъ мѣстахъ начинали ужъ хлѣбъ снимать, а потому на поляхъ все чаще и чаще видѣлись люди, вооруженные мѣдными, желѣзными и каменными серпами; другого оружія ни на комъ не было видно.

Князю, наконецъ, надоѣло сидѣть одному въ-заперти, въ замкѣ, окруженномъ стѣнами и насыпью. Исправно онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, зѣвалъ, изрѣдка заходилъ къ княгинѣ; но стоило ему поглядѣть изъ окна на синѣющіе вдаль лѣса, какъ сейчасъ-же въ немъ зарождалось желаніе отправиться на охоту. Подобному желанію Брунгильда противилась всѣми силами. Сначала онъ покорялся, теперь онъ начиналъ ужъ ворчать.

Однажды утромъ князь приказалъ призвать Смерда.

— Поѣзжай, осмотри хорошенько лѣса: не увидишь-ли гдѣ засады...

Смердъ пропадалъ цѣлый день. Вернувшись вечеромъ и привезя съ собою серну, убитую имъ по пути, онъ разсказалъ, что встрѣтилъ въ лѣсу кабана, медвѣдя, волковъ; людей-же ни разу не видѣлъ.

Княгинѣ такое спокойствіе послѣ недавней бури казалось и страшнымъ, и подозрительнымъ; напротивъ, князь считалъ его совершенно естественнымъ.

— Мнѣ необходимо отправиться на охоту,—кричалъ онъ,—я пропаду, если еще дольше останусь въ бездѣйствіи... Не выдержу... Эта безконечная спячка и плѣнъ—ядъ для меня...

Брунгильда, однако, не пускала князя на охоту; хитрая нѣмка боялась засадъ и измѣны. Изодня въ день князь откладывалъ исполненіе своего намѣренія. Княгиня подговорила людей устраивать всевозможныя препятствія. Хвостъ проклиналъ, сердился, сильнѣе обыкновеннаго напивался пьянъ и, все больше и больше терялъ терпѣніе.

Наконецъ, онъ не выдержалъ: приказалъ Смерду, непременно на слѣдующій день, приготовить все нужное для охоты и пораньше его разбудить. Едва вымолила у него княгиня, чтобы онъ согласился взять съ собою большее, противъ всегдашняго, количество слугъ и притомъ хорошо вооруженныхъ.

Хвостекъ, хотя и носилъ крестъ на груди, въ сущности оставался язычникомъ, сохранившимъ еще многіе предрасудки. Слуги знали объ этомъ и заранѣе осматривали окрестности и дорогу, чтобы, по возможности, устранить все, могущее чѣмъ-либо разстроить князя. Смердъ нарочно распорядился, чтобы какъ-разъ въ то время, когда князь выѣдетъ изъ воротъ, ему навстрѣчу попалась женщина съ полными ведрами, такъ какъ это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ.

Прекрасное утро обѣщало такой-же день. По небу скользили легкія облачка, прохладный вѣтеръ разгонялъ ихъ и освѣжалъ воздухъ. Князь, выѣхавъ въ поле изъ замка, направился къ ближайшему лѣсу. Смердъ увѣрилъ его, что звѣрей тамъ тьма-тьмущая. Къ тому-же, лѣсъ этотъ, въ которомъ строго-на-строго запрещено было пасти скотъ, былъ заповѣдный и нарочно оберегался для княжескихъ охотъ. Назывался онъ Глубь, и дѣйствительно дичи водилось въ немъ всегда великое множество; но, чтобы добраться до настоящихъ мѣстъ, нужно было проѣхать значительное пространство.

Хвостекъ, давно уже не сидѣвшій на лошади, не слыхавшій лѣсного шороха и собачьяго лая, замѣтно повеселѣлъ, когда почувялъ запахъ непроходимыхъ дебрей. Онъ шпорилъ лошадь, чтобы добраться скорѣе до Глуби. Послѣ получасовой ѣзды, князь очутился на небольшой полянѣ, откуда рукой подать до излюбленной чащи.

Князь первый вѣхалъ на поляну, но сейчасъ-же осадилъ лошадь и, нахмурившись, обратился къ подскакавшему Смерду. Князь сердито указывалъ рукою впередъ: тамъ, на пни, сидѣла старуха, вся закутанная въ большой платокъ; рядомъ съ нею лежали кучи только-что собранныхъ травъ. Разбирая ихъ, она дребезжащимъ голосомъ мурлыкала себѣ подъ носъ пѣсню и, казалось, не замѣчала всадниковъ. Встрѣча въ лѣсу съ такими старухами считалась признакомъ не хорошимъ и даже опаснымъ.

По тогдашнимъ понятіямъ — лѣса, озера, рѣки, поля — населены были таинственными созданіями и большая часть злыхъ духовъ преимущественно принимала на себя видъ старыхъ женщинъ. Мятелица, ночница, бабы-яги и прочія чудища представлялись воображенію, обыкновенно, въ образѣ грязной, невзрачной старухи, какъ-разъ въ-родѣ той, что сидѣла теперь на полянѣ.

Князь ихъ боялся, но и Смердъ также былъ не изъ храбрыхъ, тѣмъ болѣе, что чѣмъ-нибудь раздражить такую старуху — значило навлечь на себя ея гнѣвъ и мщеніе. По ближайшемъ изслѣдованіи, однако, Смердъ призналъ въ сидящей — Яруху. Въ замкѣ ее знали, такъ-какъ часто она приносила княгинѣ разныя травы. Всѣ считали ее могущественною, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагали, что злою она не была. Князь не рѣшался тронуться съ мѣста, и Смердъ, слѣзши съ лошади, волей-неволей, принужденъ былъ самъ подойти къ старухѣ.

Яруха такъ о чемъ-то задумалась, что только тогда съ испугомъ вскочила съ своего мѣста, когда Смердъ къ ней совсѣмъ приблизился.

Ей показалось, какъ она потомъ объяснила, что къ ней злой духъ подходилъ, признаніе, конечно, для Смерда не особенно лестное. Скороговоркою начала она что-то нашептывать, словно проклинала его, что его тоже совсѣмъ не обрадовало. Наконецъ, все дрожа еще, но почти уже успокоившись, старуха усѣлась на старой колодѣ.

— Что ты, Яруха, здѣсь дѣлаешь?—спросилъ Смердъ.

— А развѣ ты слѣпишь, негодный бродяга?—ощетинилась баба:— дѣлаю, что мнѣ велѣно дѣлать, собираю травы—вотъ что!.. А у тебя что тамъ въ боченкѣ болтается? А? Дай-ка хлебнуть, такъ и страхъ тебѣ мой прощу, а не то...

— Въ боченкѣ нѣтъ у меня ничего, кромѣ воды...—отвѣчалъ Смердъ.

— Воды?... Есть что таскать съ собою! — разсердилась старуха.—Изъ каждой рѣчки можно, съ лягушечьей икрою вмѣстѣ, ее достать! Есть что носить!.. Глупый ты человѣкъ, вотъ что!.. Старый, а умъ-то ребячій... Воду носить!..

Смерда начиналъ не на шутку трусить.

— А до моихъ занятій тебѣ всетаки дѣла нѣтъ,—начала снова

Яруха.— Не твое это дѣло... Никакая трава тебѣ не поможетъ— ишь ты вѣдь рожа какая!.. Хоть раскакую дѣвушкѣ поднеси, хотя-бы ты и далъ траву—не подѣйствуетъ!.. Видишь, что здѣсь лежить: вотъ былица... лисье яйцо... Хорошія зелья...

— А худого нѣтъ ничего? — робкимъ голосомъ заикнулся Смердъ:— князь вѣдь здѣсь, недалеко!.. Чтобы часомъ не повредить ему... съ нимъ шутки-то плохи!..

Яруха опять испугалась, и взглянула въ сторону чащи.

— Князь,—повторила она,—а! Князь... А не велить онъ меня повѣсить?

— Чтобы ты ему только зла не сдѣлала, смотри-же,—шепнула ей Смердъ.

— Я? Ему?—баба испуганными глазами глядѣла на своего собесѣдника.—Я вѣдь нерѣдко хожу къ супругѣ его—княгинѣ, пользуюсь ея милостью... и теперь вотъ для нея собираю травы... Если князь хочетъ, могу ему дать зелья на счастье... Чего-же меня бояться? Яруху всѣ знаютъ...

Смердъ воротился къ ожидавшему въ чащѣ князю.

— Это Яруха, милостивый князь,—сказалъ онъ.—Вѣдьма она, но своимъ зла не дѣлаетъ... Она и княгинѣ травы приноситъ... Даже, напротивъ, она можетъ намъ принести счастье; она многое знаетъ!

Хвостекъ, котораго эти слова успокоили, выѣхалъ на поляну. Онъ потихоньку подѣзжалъ къ старухѣ, поглядывая на нее съ недоувѣріемъ. Яруха низкимъ поклономъ привѣтствовала князя и сейчасъ-же поднялась съ мѣста, стараясь придать своему лицу веселое выраженіе — она-таки трусила князя. Въ свою очередь, Хвостъ не особенно довѣрялъ Ярухѣ.

— Не знаешь, какая нынче будетъ охота?—спросилъ князь.

— А гдѣ?—спросила Яруха въ свою очередь.

— Въ Глуби.

Яруха покачала головою.

— Въ Глуби?.. Милостивый князь, не зачѣмъ тебѣ ѣздить туда!..

— Почему?

— Э! Тамъ нехорошіе звѣри сидятъ...

Она стала глазами считать спутниковъ князя.

— Какіе звѣри?—спросилъ послѣдній.

— Тамъ Мыши сидятъ, Мыши!—шопотомъ сказала Яруха,—
цѣлая куча Мышей!..

Оглядываясь по сторонамъ, она хотѣла-было приблизиться къ князю, но тотъ запретилъ ей трогаться съ мѣста. Тайнственные слова Ярухи напугали его. Хвостъ вопросительно посмотрѣлъ на Смерда, который крикнулъ старухѣ:

— Выражайся яснѣ!..

Яруха долго не отвѣчала.

— Да что—яснѣ!.. — проговорила она, наконецъ, — когда я сказала мышамъ—такъ дѣло понятное!.. Мыши, мышата, мышки одно и тоже!.. А, впрочемъ, я вѣдь не знаю, какъ есть ничего не знаю!..

Сказавъ—услась и занялась переборкою травъ.

Князь, Смердъ и дружина стояли въ какомъ-то оцѣпенѣннѣи: страхъ овладѣлъ ими...

Ничѣмъ не прерываемая тишина царила вокругъ... Маленькій вѣтерокъ дулъ со стороны лѣса. Люди, привыкшіе различать даже малѣйшій шорохъ, слышали гдѣ-то вдали глухіе голоса—какъ-бы призывы.

Князь поблѣднѣлъ. Яруха сидѣла съ опущенною на грудь головою, не обращая вниманія на всадниковъ...

Смердъ подошелъ къ ней.

— Что-жъ Мышки-то дѣлаютъ тамъ?—спросилъ онъ.

— Что дѣлаютъ?.. Сидятъ у огня, дичь жарятъ, пьютъ медъ, да поджидаютъ кого-то!..

Князь вздрогнулъ.

— Сколько ихъ всѣхъ?—крикнулъ онъ.—Сколько?..

— Я считать не умѣю,—отвѣчала старуха,—а, пожалуй, что и копа, копа наберется!.. *).

Последнія слова она почти прошептала... Смердъ сосчиталъ бывшихъ при князѣ людей... Всего набралось три десятка.

Хвостекъ боялся подѣхать въ Ярухѣ...

— Спроси у нея... Пусть говоритъ все, что знаетъ!—приказалъ князь, обращаясь къ Смерду, — а не захочетъ—веревку на шею и на дерево эту вѣдьму...

*) Копы—шестьдесятъ.

Хотя лица старухи не было видно, но, судя по дрожавшимъ рукамъ, она навѣрное слышала эти слова.

Смердъ обратился къ ней:

— Говори все, что знаешь!—крикнулъ онъ.

— Я вамъ все сказала, — отвѣчала старуха, упавшимъ голосомъ, — да вѣдь, если-бъ не я, вы-бы поѣхали въ глубь и попались-бы... Они сидятъ тамъ ужъ третія сутки... А всѣхъ ихъ много и всѣ съ оружіемъ, но только тамъ такая тишина, что въ трехъ шагахъ и то ихъ не слышно...

— Гдѣ сидятъ?—спросилъ князь.

— Въ Глуби, у самага болота, гдѣ ольхи растутъ,—объяснила старуха:—на правомъ берегу и костеръ разложили...

— Разставили часовыхъ?...

— Хотѣли меня поймать, да, видно, не смѣли... Нѣсколько парней бродить въ разныхъ мѣстахъ...

Долго еще продолжались разспросы. Князь не зналъ, на что рѣшиться... Вдругъ невдалекѣ послышался порохъ... Слуги невольно вздрогнули, хватаясь за оружіе... Яруха перепугалась, и припала къ землѣ. Князь оглянулся и тотчасъ-же увидѣлъ мелькавшихъ между деревьевъ всадниковъ; онъ повернулъ лошадь. Смердъ вскочилъ тоже въ сѣдло... Съ правой и съ лѣвой сторонъ раздались крики, трескъ вѣтви... Легко было догадаться, что князя намѣревались окружить... Хвостъ то блѣднѣлъ, то краснѣлъ: онъ самъ не зналъ, что предпринять...

Между тѣмъ, крики усилились... Княжескіе слуги сомкнулись вокругъ своего властелина, готовясь къ защитѣ... Въ кустахъ показались головы, руки, оружіе... Немыслимо было бѣжать... Отступать тоже не было никакой возможности... Смерду показалось, что въ одномъ мѣстѣ остался свободнымъ еле замѣтный проходъ... Указавъ его князю рукою, онъ первый, стремглавъ кинулся въ него.

Лишь осажденные тронулись съ мѣста, цѣлый градъ стрѣлъ засвистѣлъ въ воздухѣ. Нѣкоторые изъ нихъ вонзились въ колпакъ Хвостека... Смерду прострѣлили руку... Многіе были ранены... Не обращая, однако, на это вниманія, осажденные бросились въ лѣсъ... За ними погнались кметы, но стрѣлы не могли причинить уходящимъ особеннаго вреда.

Къ счастью, навстрѣчу еще никто не являлся... Смердъ и слуги окружили князя, который, припавъ головой къ шеѣ лошади, скакалъ почти лежа... Удары сыпались за ударами... Сзади, слѣва и справа виднѣлись лица преслѣдующихъ... Но вотъ, уходящіе радостно вскрикнули — лѣсъ становился рѣже, лошадямъ представлялся большій просторъ... Началась бѣшеная скачка...

Стрѣлы все еще сыпались, но Хвостекъ со своею дружиною успѣлъ опередить на большое разстояніе кметовъ... Вскорѣ послѣдніе замѣтно отстали... Смердъ и князь оба хорошо знали лѣсъ: они прискакали къ лугу... Смердъ что-то шепнулъ князю на ухо, потомъ далъ приказаніе дружинѣ... Сейчасъ раздались крики, слуги подняли невообразимый шумъ и бросились влѣво... Смердъ и князь, между тѣмъ—поскакали вправо... Поднятый крикъ заставилъ кметовъ броситься по слѣдамъ дружины, а Хвостекъ тѣмъ временемъ забирался все глубже и глубже въ лѣсъ... Вскорѣ шума погони не стало слышно... Князь и Смердъ очутились въ непроницаемой чащѣ, гдѣ множество опрокинутыхъ вѣтромъ деревьевъ образовало нѣчто въ-родѣ высокихъ стѣнъ... Здѣсь они могли почитать себя уже внѣ опасности, но дрожащему отъ страха Хвостеку хотѣлось пробраться еще куда-нибудь дальше!.. Смердъ не отставалъ отъ него...

Они подвигались впередъ до тѣхъ-поръ, пока лошадь князя не спотыкнулась и не сломала ноги... Волей-неволей, пришлось остановиться... Когда Смердъ соскочилъ съ своей лошади, измученное, усталое животное упало замертво. Такимъ образомъ оба, князь и Смердъ, остались безъ лошадей.

Они стояли теперь въ самой густой части огромнаго лѣса, гдѣ скорѣе слѣдовало ожидать встрѣчи съ медвѣдемъ, нежели съ человѣкомъ. Несмотря на знакомство съ мѣстностью, имъ рѣшительно невозможно было узнать, гдѣ они именно находились,—куда завело ихъ бѣгство. Князь повалился на землю; онъ въ бѣшенствѣ рвалъ на себѣ одежду. Смердъ стоялъ возлѣ него, съ прострѣленною рукою, не въ силахъ жаловаться князю—испуганный ожидающей ихъ судьбою.

Оба долгое время молчали. Смердъ прислушивался, не раздается-ли гдѣнибудь человѣческій голосъ; храпъ издыхающей лошади—и ни одного звука болѣе. Смердъ, изъ боязни, чтобы

и это не могло послужить къ открытію ихъ мѣстопробыванія, схвативъ веревку, набросилъ ее на шею животному и придушилъ его.

Отдохнувъ немного, бѣглецы стали осматриваться. Они предугадывали, въ которой сторонѣ находились озеро и княжескій столбъ, но, чтобы къ нимъ безопасно пробраться, необходимо было подождать наступленія ночи. Для большей увѣренности, Хвостекъ и Смердъ оставили мѣсто, гдѣ лошади пали, и забрались въ еще болѣе дикую глушь. Среди полусгнившихъ стволовъ деревьевъ они нашли отовсюду закрытое мѣстечко, гдѣ и расположились.

День тянулся, казалось, особенно медленно. До вечера было еще далеко. Въ лѣсу раздавалось чириканье птицъ. Бѣглецы сидѣли въ своемъ углу, ожидая съ каждой минутой, что рассыпавшіеся по лѣсу кметы внезапно откроютъ ихъ. Вплоть до вечерней зари, однако, въ лѣсу царствовала ничѣмъ не возмутимая тишина. Приободренный этимъ Смердъ, кое-какъ перевязавъ руку, отправился искать тропинки или удобнаго прохода, по которому можно было-бы незамѣтно пробраться домой. Сначала Хвостекъ боялся его отпустить, но, убѣдившись въ необходимости изслѣдовать путь пока еще было видно, рѣшился на время остаться одинъ.

Было уже совершенно темно, когда Смердъ вернулся и объявилъ своему господину, что теперь можно рѣшиться покинуть ихъ временное убѣжище.

— Мы,—сказалъ онъ:—въ двухъ шагахъ отъ жилища небогатаго кмета Кошычко... Онъ здѣсь владѣетъ небольшимъ кускомъ земли и лѣса; это—спокойный человѣкъ... Тутъ-же живетъ и сынъ его, по имени Пясть... Мы къ нему можемъ зайти, тѣмъ болѣе, что ни тебя, князь, ни меня онъ никогда и въ глаза не видалъ... Не то придется съ голоду помирать... ужъ и такъ ослабѣлъ... потерялъ много крови...

Хвостекъ, навѣрное, остался-бы весьма равнодушенъ къ участи Смерда, если-бы не сознавалъ, что послѣдній ему еще нуженъ.

— Въ чужое жилище входить! Самому лѣзть въ руки кмета!—воскликнулъ князь. — Да ты никакъ съума спятилъ... Пойдемъ домой!

Смердъ не смѣлъ прекословить, и они тронулись въ путь. Слуга шелъ впереди, хотя чрезвычайно медленно, останавливаясь почти на каждомъ шагу. Онъ до того изнемогъ, что нѣсколько разъ падалъ.

— Хижина всего въ двухъ шагахъ,—осмѣлился онъ вторично замѣтить князю:—человѣкъ бѣдный всегда гостепріименъ, ему и въ голову не прійдетъ справляться объ имени гостя. Взойдемъ, отдохнемъ...

Хвостъ былъ голоденъ и измученъ: онъ еле тащился... Страхъ съ одной, голодъ съ другой стороны вели въ немъ ожесточенную борьбу. Наконецъ, физическая потребность одержала побѣду. Князь согласился просить у Пяста убѣжища.

У самой опушки лѣса стояла одинокая, бѣдная хижина... Въ открытомъ окнѣ виднѣлся огонекъ... На дворѣ блеяли овцы...

Князь остался въ лѣсу, пока Смердъ отправился просить разрѣшенія переночевать въ этой хижинѣ... Хозяинъ сидѣлъ на крыльцѣ, у ногъ его игралъ ребенокъ—сынъ его... Смердъ съ связанною рукою, съ лицомъ, испаранннымъ сучьями, приблизился къ нему... Пясть поднялся навстрѣчу нежданному гостю.

— Кметъ добрый,—началъ усталымъ голосомъ Смердъ:—не откажи принять меня съ товарищемъ въ домъ твой на короткое время... Мы тоже кметы, живемъ въ Ополѣ, заблудились въ лѣсу на охотѣ, второй день бродимъ, не можемъ выбраться... Вдобавокъ, падая съ лошади, я сломалъ себѣ руку... Усталый товарищъ мой невдалекѣ ожидаетъ отвѣта... Позволь-же намъ отдохнуть...

Говоря это, Смердъ зорко всматривался во все углы... Ни около хижины, ни внутри ея, повидимому, никого не было... Глядя на незнакомца, Пясту казалось, словно онъ его гдѣ-то видѣлъ!

— Кто-бы вы ни были,—проговорилъ онъ привѣтливо:—когда скоро во имя гостепріимства проситесь отдохнуть подъ моимъ кровомъ—отказать не могу. Идите за мною... Вы хорошо знаете, что у насъ не отказываютъ и врагу...

— Мы не враги!—воскликнулъ Смердъ.—Да какъ намъ и быть врагами?

Старикъ повторилъ свое приглашеніе. Смердъ вернулся за княземъ, который, опасаясь быть узаннымъ, снялъ съ своего кол-

пака и одежды всё украшенія, спряталъ мечъ, а волосы опустилъ на лобъ. Хвостъ слѣдовалъ за Смердомъ, но весь дрожалъ, несмотря на принятія предосторожности. Пясть пригласилъ ихъ въ избу и предложилъ хлѣба. Хозяйка, между тѣмъ, принесла пива и всего, что нашлось по хозяйству въ будничный день.

Чтобы выдержать свою роль до конца, Смердъ, по данному княземъ знаку, сѣлъ возлѣ него на скамью. Перере тѣмъ, какъ садиться за столъ, Хвостекъ едва слышнымъ голосомъ пробормоталъ что-то въ-родѣ привѣтствія и сейчасъ-же прикрылъ лицо рукою. Пясть нѣсколько разъ взглядывалъ на него, пробовалъ завести разговоръ, но, получая отвѣты отъ Смерда, махнулъ рукою, не любопытствуя болѣе.

Гостепріимство не позволяло допрашивать человѣка, который по доброй волѣ не хотѣлъ говорить.

Проголодавшіеся гости молча принялись за ѣду. Царствовавшая въ избѣ и на дворѣ тишина нѣсколько ихъ успокоила. Добродушное лицо хозяйки, привѣтливость ея мужа — все это казалось имъ добрыми признаками. У дверей стоялъ мальчикъ, просто душно разсматривавшій не виданныхъ дотолѣ людей.

Хозяйка, замѣтивъ, что раненая рука беспокоитъ Смерда, подошла къ нему и спросила, не хочетъ-ли онъ позволить перевязать ему руку какъ слѣдуетъ. Смердъ съ радостью согласился и подойдя къ огню, показалъ свою рану. О происхожденіи ея догадаться было не трудно... Что Смердъ солгалъ — сдѣлалось яснымъ... Старуха пристально посмотрѣла на него, не сказавъ, однако, ни слова...

Хвостъ, между тѣмъ, осушивъ залпомъ кувшинъ стоявшаго передъ нимъ пива, замѣтно повеселѣлъ. Крѣпкій напитокъ вернулъ ему прежнюю храбрость.

— Ты кметъ? — рѣшился онъ обратиться съ вопросомъ къ хозяину.

— Какъ и отецъ мой и дѣдъ, — отвѣтилъ спокойно сынъ Кошечки.

— Мы живемъ немного въ глуши, — продолжалъ Хвостъ невнятно: — мы и не знаемъ, что творится надъ Гопломъ... Говорятъ, у васъ что-то неладно?..

Пясть проницательно посмотрѣлъ на Хвостека.

— Если кметы и беспокойны, — отвѣчалъ онъ, — виною тому не они!..

— Говорять, что кметы бунтуютъ?

— Просто — отстаиваютъ свои права!..

Хвостъ промолчалъ.

— А князь тоже, вѣрно, свой? — нерѣшительно произнесъ онъ, поглядывая изподлобья.

Хозяинъ, казалось, сразу не рѣшался отвѣтить.

— Если ты кметъ, — наконецъ, сказалъ онъ: — то знаешь, или, по-крайней-мѣрѣ, обязанъ знать, что только во время войны должны мы повиноваться князю, во время же мира мы споконъ вѣка управляемся сами... Такъ было всегда, такъ и впередъ будетъ... А кто переименовывать будетъ...

Хвостекъ невольно захохоталъ. Смердъ, услышавъ знакомую интонацію хохота, вздрогнулъ. Этого было достаточно, чтобы выдать князя.

Пясть посмотрѣлъ на него безбоязненно. Оба они замолчали, измѣряя другъ друга глазами.

— Говорять, ваши кметы предполагаютъ напасть на замокъ и князя? — возобновилъ Хвостекъ расспросы.

— Нападалъ-же онъ раньше на насъ, — было отвѣтомъ: — самъ вызываетъ!.. Недоброе онъ дѣло дѣлаетъ, когда могъ-бы спокойно сидѣть... Семью свою истребилъ; изъ нашихъ тоже не мало лишилось жизни... А кто виноватъ во всемъ?..

Взоры Хвостека загорѣлись гнѣвомъ. Пробурчавъ что-то, какъ медвѣдь, внезапно потревоженный въ берлогѣ, онъ всталъ со скамьи, приказавъ Смерду послѣдовать его примѣру.

На дворѣ было темно: погода стояла хорошая, но луннаго свѣта не было.

— Не уходите въ такое время, — посоветовалъ Пясть: — переждите ночь, а чуть свѣтъ — и отправляйтесь въ дорогу. Здѣсь вы вполне безопасны, хотя-бы васъ кто и разыскивалъ... Гость для меня — святой...

Услышавъ эти слова: „хотя-бы васъ кто и разыскивалъ“ — князь поблѣднѣлъ и отодвинулся въ сторону; хозяинъ пожалъ плечами. Испуганный Смердъ весь дрожалъ... Неловкое молчаніе длилось довольно долго.

Происшедшее показалось князю рѣшительно колдовствомъ какимъ-то, потому что въ ту минуту послышался лошадиный топотъ и крики людей передъ домомъ. Пясть, указавъ рукою на полуоткрытыя двери сосѣдней избы, обратился къ Хвостеку съ словами:

— Я знаю, кто ты... Уходи со своимъ слугою въ ту избу... Быть можетъ, Мышки васъ ищутъ... Здѣсь-же вы безопасны. Гостей присылаютъ боги!..

Высказавъ это съ достоинствомъ, онъ вторично, съ отѣнкомъ торжественности, указалъ князю на раскрытыя двери смежной избы. Хвостекъ до того растерялся, что не зналъ—что начать; страхъ превозмогъ, однако, чувство оскорбленнаго самолюбія, и онъ вмѣстѣ со Смердомъ вошелъ, куда ему указали. Хозяйка затворила за ними дверь.

Пясть зажегъ у огня лучину и вышелъ съ нею на дворъ.

Нѣсколько всадниковъ дожидалось у воротъ.

— Э, отецъ,—крикнулъ ему старшій Мышко:—ты, навѣрно, не знаешь, что у насъ приключилось!.. Мы хотѣли сберечь много человѣческой крови! Три дня и три ночи караулили мы въ лѣсу этого разбойника! И вотъ—былъ онъ у насъ въ рукахъ, да счумѣлъ уйти!.. Впрочемъ, все равно—съ голоду сдохнетъ... слуги-то его всѣ разбѣжались... а безъ нихъ этотъ пьяница ничего не счумѣетъ сдѣлать, не найдетъ даже и выхода изъ лѣсу... А тамъ кому-либо изъ нашихъ авось посчастливится встрѣтить его, и, тогда, надо думать, не поздоровится этому злодѣю!.. А теперь, напоивъ лошадей, отправляемся по домамъ...

Слуги кметовъ пошли за водою. Хвостекъ слышалъ весь разговоръ. Нѣсколько разъ хотѣлъ онъ выскочить изъ избы; Смерду едва удалось удержать его отъ такого намѣренія. Мышки долго не уѣзжали, такъ-какъ Пясть угостилъ ихъ медомъ. Смѣхъ и крики ихъ волновали Хвостека. Наконецъ, смолкло все, послышался топотъ удалявшихся лошадей—всадники покинули дворъ гостепріимнаго Пяста... Вскорѣ Пясть открылъ двери, ведущія въ избу, гдѣ были спрятаны Хвостекъ и Смердъ, и сказалъ имъ:

— Уходите теперь; опасность миновала!

— Добрый ты кметъ,—необыкновенно ласково проговорилъ князь:—я приглашаю тебя къ себѣ... Я тебѣ многимъ обязанъ...

— Ничѣмъ ты мнѣ не обязанъ,—возразилъ Пясть.—Старинный обычай, да законъ нашъ, велѣли мнѣ васъ укрыть... Я это сдѣлалъ не изъ чувства привязанности; я тебя не люблю и не уважаю!.. А поступалъ я по велѣнію боговъ! Иди-же съ миромъ... Кто знаетъ, гдѣ мы еще встрѣтимся...

Хвостекъ нахмурилъ брови... Подобная рѣчь была для него непонятна...

— Но не подымешь своей руки на меня!—воскликнулъ онъ.

— Князь милостивый!—отвѣчалъ Пясть:—если всѣ противъ тебя возстанутъ—я буду съ ними... Затѣмъ, Пясть отошелъ въ сторону, а Хвостекъ торопливо вышелъ изъ хижины, не вымолвивъ слова, ни разу не оглянувшись. Ворота закрылись за нимъ.

Черная молчаливая ночь покрывала землю. Только вдали, надъ озеромъ, кое-гдѣ огоньки мелькали, да на высокомъ столбѣ, по обычаю того времени, замѣчался свѣтъ. Хвостекъ со Смердомъ потонули во тьмѣ. Пясть свободно вздохнулъ.

